

I

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. М. АЛПАТОВ

ЧТО ТАКОЕ МАРКСИЗМ В ЯЗЫКОЗНАНИИ?

Проблема, вынесенная в заголовок статьи, вызывала ожесточенные споры, особенно в нашей стране. Сейчас она многим кажется уже неактуальной, но, на наш взгляд, пришло время разобраться в ней по возможности объективно.

Говоря о марксизме в языкознании, следует различать по крайней мере четыре аспекта, которые нередко смешивались и продолжают смешиваться. Первый аспект – политические взгляды того или иного лингвиста и отношение его к марксизму за пределами лингвистики. Этот аспект может быть связан с остальными, но связь может и не быть, а там, где она есть, она далеко не прямая. Участник «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Д.Н.Кудрявский был, по крайней мере в молодости, марксистом во взглядах на общество, но как лингвист он был близок к младограмматизму. В случае, скажем, Е.Д. Поливанова данная связь явно существовала, но то, что он был комиссаром в годы гражданской войны, агентом Коминтерна и преподавателем истмата на рабфаке в Ташкенте, еще не определяет его лингвистические взгляды. Далее мы будем от этого аспекта по возможности отвлекаться.

Но и после этого надо выделить еще три аспекта. Второй аспект – ответ на вопрос, как увлечение лингвиста марксизмом или, шире, господство марксистской идеологии в обществе определяет круг интересов ученого, заставляет выбирать тот или иной подход, вовсе не обязательно марксистский в собственном смысле. Третий аспект относится к пограничной области науки – социолингвистике, где, безусловно, значимо то или иное (включая «нулевое») отношение к марксистскому учению об обществе. И наконец, четвертый аспект связан с проблемой существования собственно марксистского языкознания как основанного на особом методе. Этот аспект нельзя подменять, что не раз делалось, вторым или третьим и тем более первым.

Советские ученые 20-х и начала 30-х годов, пытавшиеся строить марксистскую лингвистику, вынуждены были признавать, то эта наука относится к областям знания, «до которых слабо или совсем не коснулась рука основоположников – Маркса и Энгельса» [1, с.8]¹. Не раз издавались цитатники вы-

¹ Здесь и далее цифровой индекс в квадратных скобках отсылает к соответствующей работе, помещенной в списке литературы.

сказываний «основоположников», включая В.И. Ленина, а иногда и И.В. Сталина, о языке; см., например, [2; 3]. При этом Маркс и Ленин были представлены либо высказываниями общефилософского характера, либо, наоборот, очень конкретными цитатами вроде известных слов Ленина о недопустимости злоупотребления иностранными словами.

Исключение (помимо поздних работ Сталина, о которых ниже) составляет Ф. Энгельс, в наследии которого известное место занимает лингвистическая проблематика: у него есть специальная работа [4], о развитии языков при переходе к классовому обществу говорится в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [5]; см. также его полемику с Е. Дюрингом по вопросам языкознания [6, с.333–334] и др. Однако во всем этом нет ничего специфически марксистского. Известно, что Энгельс увлекался сравнительно-историческим языкознанием, неплохо владел компаративной методикой и, как сам писал Ф.Лассалю, [7, с.477], одно время хотел разработать сравнительную грамматику славянских языков. Во «Франкском диалекте» он занимался историей немецкого языка, в «Происхождении семьи...» касался вопросов индоевропеистики, исходя из достижений языкознания его времени, а Дюринга критиковал за непонимание этих достижений. Энгельс высоко оценивал труды Ф. Боппа, Я. Гримма, Ф.К. Дица, Ф.Миклошича и учитывал их содержание, но для него позитивные результаты языкознания XIX в. были такими же достижениями передовой науки, как дарвинизм или клеточная теория. Их нужно учитывать, но в марксистскую теорию они не входят.

В число классических марксистских работ также включали брошюру П.Лафарга, изданную и в СССР [8]. Это чисто социолингвистическая работа, посвященная распространению литературного языка в период Французской революции и лексическим изменениям во французском языке, прямо отражавшим развитие общественной ситуации.

После Октября в нашей стране был предпринят ряд попыток построения марксистской лингвистики. Среди них бывали и явно спекулятивные, и вполне искренние и серьезные. Но сколько-нибудь развернутой теории никто не смог предложить.

Наиболее широко разрекламированной, но и наименее удачной из этих попыток стало «новое учение о языке» Н.Я. Марра и его последователей. С 1928 г. Марр постоянно заявлял, что «материалистический метод яфетической теории – метод диалектического материализма, т.е. тот же марксистский метод, но конкретизированный специальным исследованием на языковом материале» [9, с.276]. Но на деле происходило лишь внешнее привязывание к марксизму уже явно готовых положений Марра. Использовались три приема: голословное приписывание основоположникам марксизма марровских идей, приведение цитат не на тему, фальсификация и замалчивание подлинных взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса. Об этом мы специально писали [10, с.68–

74]. Позднее И.В. Сталину удалось очень легко показать несоответствия между марксизмом и марризмом.

Более искренней и менее экстремистской, но также лишь декларативной попыткой построения марксистской лингвистики была деятельность борющейся с марризмом в 1930–1932 гг. и потерпевшей поражение группировки «Языкофронт» и прежде всего ее главного теоретика Т.П. Ломтева. Для этого тогда совсем молодого языковеда марксизм уже был изначально единственно верным учением, отношение к которому было во многом религиозным. Он пытался напрямую связать учение классиков марксизма с фактами науки о языке, см. его публикации [11; 12]. По воспоминаниям другого члена «Языкофронта» П.С. Кузнецова, в неизданной ломтевской грамматике «части речи определялись как классы слов, отражающие действительность через классовое сознание. Существительное отражало действительность через классовое сознание предметно, глагол отражал действительность через классовое сознание процессно, и т.д.». Ясно, что «классовое сознание» мало что добавляло к традиционным схемам.

Гораздо содержательнее был марксистский подход у лингвистов – профессионалов высокого класса. Здесь следует назвать выдающихся ученых мирового значения Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, Л.П. Якубинского.

У Е.Д. Поливанова задача построения марксистского языкознания ставилась постоянно, ей посвящены многие статьи, частично составившие специальную книгу [13]. Говоря о домарксистской лингвистике, он подчеркивал, что «со времен Шлейхера лингвистику можно уже считать материалистической» [14, с.537], но, «к сожалению, до сих пор лингвистика была только естественно-исторической наукой, а не социальной наукой» [14, с.538]. В другой статье он особо указывал: «Для того чтобы эта наука (о языке. – В.А.) была адекватна своему объекту изучения, она должна быть наукой социологической» [15, с.182]. Не раз говорится о языке как «трудовом процессе», этот термин даже вынесен в название статьи [16]. Безусловно, «социологическая наука о языке» понимается здесь шире, чем социолингвистика в современном смысле: Е.Д. Поливанов более всего занимался построением социологической теории в связи с процессом фонологических изменений в языке, обусловленных прежде всего внутренними причинами.

Не приходится сомневаться в том, что марксистское мировоззрение ученого стимулировало его поиски именно в направлении «социологической науки о языке». Но насколько эти поиски специфичны для марксизма? Сам Е.Д. Поливанов указывал в мировой науке «поворот, выражающийся именно в искании путей социологической лингвистики» [15, с.184]. С ним связываются учитель Поливанова И.А. Бодуэн де Куртенэ и почти все крупнейшие западноевропейские языковеды 10–20-х годов XX в., во многом разные по взглядам: Ф. де Соссюр, А. Мейе, Ш. Балли, Ж. Вандриес, О. Есперсен,

К. Фосслер и др. Так что поворот к социологической лингвистике оказывается общим свойством времени.

Говоря о «языке как трудовой деятельности», Е.Д. Поливанов выдвигал на первый план «целевую установку», которая понимается как «коммуникация, необходимая для связанного кооперативными потребностями коллектива» [16, с.57]. В терминологии есть переключки с марксизмом. Но понимание языка как средства коммуникации в первую очередь встречается у многих лингвистов, а первостепенное значение понятию целевой установки в те же годы придавали и далекие от марксизма члены Пражского кружка, особенно Р. Якобсон. Сходство их идей с идеями Поливанова признавали обе стороны, см. [17] и [18]. Главное различие между ними было не в социологическом подходе к языку, а в том, что Поливанов подчеркивал – «важны и факторы коллективно-психологические» [14, с.539], а пражцы стремились от этих факторов отвлечься.

И еще один тезис Е.Д. Поливанова: об отражении в языке законов марксистской диалектики, в том числе закона перехода количества в качество, см. [19] и др. Им на разнообразном материале показано, как некоторые изменения, не затрагивающие системы фонем, накапливаются в ходе фонетической эволюции, а затем происходит скачок и система меняется. Связь с общим законом перехода количества в качество здесь, безусловно, существует, но выявленные закономерности сохраняют силу и без обращения к нему. Ср., например, рассуждения датского лингвиста В. Брёндаля в статье [20], написанной немного позже, где также говорится о необходимости учитывать в языковом развитии «прерывистые изменения» и «резкие скачки из одного состояния в другое». Такой подход связывается у В. Брёндаля не с законами диалектики, а с понятием кванта в физике XX в. и с понятием мутации в генетике (последнее использовал и Е.Д. Поливанов). Так что и тут у советского лингвиста проявилась общемировая тенденция без марксистской специфики.

Отметим, что Е.Д. Поливанов помимо марксизма обращался и к иным теориям. На него влияли, например, идеи видного историка Н.И.Кареева, спорившего с марксизмом; ему лингвист обязан термином «историология» [21, с.30].

В 1929 г. Е.Д. Поливанов писал: «В эмпирическом исследовании (в частности – лингвистическом) важно не отпавляться от марксизма, а прийти к марксизму на основании обследования фактов. Вот почему я и говорю и считаю вполне достаточным сказать, что я марксист – постольку, поскольку делаемые мною выводы из языковых явлений подтверждают основные положения диалектического материализма и методологический принцип установления причинных связей» [22, с.559]. С этим можно согласиться. Приверженность марксизму давала определенное направление его исследованиям, влияла на выбор подхода, а зачастую и тематики. Но сама теория была не более

марксистской, чем теории других ученых, даже не знакомых с трудами Маркса и Энгельса.

Близки по идеям к Е.Д. Поливанову были и Н.Ф. Яковлев, и Л.П. Якубинский, отличавшиеся от него большей эклектичностью подхода, в том числе уступками марризму; см., например, [23].

И еще одна знаменитая работа тех лет, где слово «марксизм» даже вынесено в заголовок. Это книга В.Н. Волошинова – М.М. Бахтина «Марксизм и философия языка» (не будем здесь обсуждать запутанный вопрос о ее авторстве). Сейчас одни исследователи рассматривают ее как марксистскую [24], другие пытаются усмотреть в ней скрытую борьбу с марксизмом [25, с.178 и др.], что вряд ли обоснованно. Однако большая часть проблематики книги отношения к марксизму вообще не имеет; так, во второй, на наш взгляд – центральной, части книги «Пути марксистской философии языка» о марксизме говорится лишь в заглавии, в основном это спор с соссюрианством и, шире, с позитивистским языкознанием.

Реально о марксизме идет речь лишь в первой, самой краткой из трех частей книги, где рассматриваются общефилософские вопросы, не всегда прямо связанные с языкознанием. Здесь много марксистской терминологии и типичных для СССР тех лет формулировок, вплоть до «преломления бытия в знаке» [1, с.27], что напоминает Т.П. Ломтева. Но если выделить из первой части книги проблематику, прямо относящуюся к лингвистике, то прежде всего она сводится к трем тезисам: (1) язык имеет знаковый характер; (2) язык – коллективное явление; (3) неприемлемы как позитивистский подход, основанный на «преклонении перед фактом» [1, с.8], так и идеалистический психологизм, всё сводящий к индивидуальному сознанию. Все это вряд ли противоречит марксизму, но ничего специфически марксистского здесь нет. Почти по всем пунктам эти идеи близки к идеям Ф. де Соссюра, одного из главных объектов критики во второй части книги. Разве что отход Соссюра от позитивизма оказался для авторов «Марксизма и философии языка» недостаточно радикальным, за что он и осуждается во второй части.

Некоторые казалось бы связанные с марксистской традицией формулировки книги имели тогда более широкое хождение, например, использование термина «идеология» (кстати, далекое от исконного его понимания у основателей марксизма как «иллюзорного сознания» [26, с.37], противопоставленного научному). Ср. формулировку: «Где знак – там и идеология. Всему идеологическому принадлежит знаковое значение» [1, с.14] и цитату из книги Р.Якобсона, изданной в том же году: «Речь идет не о психических процессах, но о явлениях идеологического порядка, а именно о знаках, образующих социальные значимости» [27, с.102].

В конце жизни М.М. Бахтин, по свидетельству С.Г. Бочарова, называл марксистскую проблематику книги «неприятными добавлениями» [28]. Не знаем, так ли считали авторы книги во время ее написания. Но независимо от

общественной ситуации в стране марксизм мог быть для них опорой в борьбе одновременно с идеалистическим психологизмом и позитивизмом. В то же время данная проблематика, не противореча концепции книги, действительно выглядит как «добавления».

В начале 30-х годов в языкознании, как и в других гуманитарных науках в СССР, эпоха научных поисков, связанных с марксизмом, закончилась. Допускался лишь пересказ концепций, объявленных «единственно верными», и применение этих концепций к анализу конкретного материала. В языкознании на это наложилась специфика, связанная с господством марризма, объявленного «марксизмом в лингвистике». Но если в других науках серьезные методологические дискуссии возобновились лишь с середины 50-х годов, а то и позже, то в науке о языке неожиданно вопрос о марксистском методе был по-новому поднят еще в 1950 г. Тогда в стране этим мог заниматься лишь один человек, и он заинтересовался вопросами языкознания.

В начале работы И.В. Сталин подчеркивал: «Я не языковед», но зато «я имею прямое отношение» к марксизму «в языкознании, как и в других общественных науках» [29, с.3]. Но если внимательно рассмотреть его подход к этому вопросу, то напрашивается вроде бы парадоксальный вывод: Сталин отказывает марксистскому языкознанию в праве на существование.

Большая часть первой, основной статьи Сталина посвящена опровержению двух действительно уязвимых для критики идей Марра: о языке как надстройке и о классовости языка (обе идеи не были специфически марристскими, имея широкое хождение в советском языкознании 20–40-х годов). Он, в частности, писал, что в качестве орудия общения людей «язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем, от машин, которые так же безразличны к классам, как язык, и так же одинаково могут обслуживать как капиталистический строй, как и социалистический» [29, с.5]. Но марксизм давал особое объяснение лишь тем явлениям, которые включались в базис (куда, разумеется, никто не относил язык) и надстройку. Марксистское учение о машинах не пытался выстроить ни один серьезный марксист, а отдельные опыты подобного рода вроде изданной в начале 30-х годов брошюры «Диалектика и кузнечное дело» были давно осуждены как «вульгаризация». Тем самым И.В. Сталин, не утверждая это прямо, подводил читателя к тому, что нет «марксистской» и «буржуазной» лингвистики, а есть единая наука о языке.

Далее в статье говорится и о том, какой должна быть эта наука. Сталин реабилитировал при некоторых оговорках и сравнительно-исторический метод, и идею языкового родства, ключевые для науки XIX в. и осужденные марристами; в дополняющем статью письме Е.А. Крашенинниковой с противостоявшей марризму лингвистики снимался ярлык «формализма» [29, с.22]. А позитивная программа, излагаемая им в связи с ответом на вопрос об историческом развитии и взаимодействии языков, мало отличалась, кроме неко-

торых марксистских терминов, от позитивистских по идеям работ русских языковедов конца XIX – начала XX в. Со слов его лингвистического консультанта А.С. Чикобавы известно, что Сталин во многом использовал учебник Д.Н. Кудрявского [30]. Историки языкознания уже справедливо отмечали, что «материализмом» в языкознании было объявлено то, что раньше называли «буржуазной наукой» [31, с.20], и что сталинские положения «в общем не выходили за пределы традиционных представлений, накопленных в науке о языке» [32, с.91] (точнее, накопленных к началу XX в.: идеи структурализма не нашли у Сталина отражения).

Отметим, что в позитивной части работы (ответ на третий вопрос) Сталин вспоминает о марксизме лишь дважды по одному и тому же поводу: «Марксизм не признаёт внезапных взрывов в развитии языка» [29, с.15]; «Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества» [29, с.15]. Как и у Е.Д. Поливанова, марксизм оказывается сведенным к закону перехода количества в качество, сформулированному еще Г. Гегелем; в то же время данная формулировка соответствует и представлениям языкознания второй половины XIX в.

Но в итоге вопреки общему духу своей работы Сталин заявил о том, что необходимо «внедрение марксизма в языкознание» [29, с.18]. И все, им сказанное, разумеется, немедленно было объявлено «марксизмом в языкознании». Прямые ссылки на его статьи исчезли из советской лингвистической литературы даже до XX съезда партии. Но идеи позитивистского языкознания, составлявшего важный, но уже пройденный этап в развитии науки о языке, еще многие десятилетия официально считались «марксистскими» и наиболее «правильными».

Хранителями подобных представлений были такие занимавшие видное положение в советской науке о языке люди, как Ф.П. Филин, Р.А. Будагов, В.З. Панфилов; см., в частности, их работы [33; 34; 35; 36; 37]. Они называли себя представителями марксизма в языкознании. Но если отвлечься от словесной шелухи и употреблявшихся к месту и не к месту цитат из классиков марксизма, то можно выделить три главные их идеи.

Во-первых, это понимание языкознания как чисто исторической науки: «Единственным методом подлинного объяснения системы (языка. – В.А.) является метод исторический, основывающийся на марксистско-ленинском понимании истории» [35, с.13]. Во-вторых, это подчеркнутый эмпиризм, отказ от научных абстракций; показательно такое высказывание: «Какие всегда бы новые принципы составления словарей не выдвигались, словари всегда будут собранием отдельных слов и ничем другим» [33, с.7]. В-третьих, это прямолинейное выведение развития языка из развития общества: «Толчком к

изменениям всегда являются те или иные общественные причины» [34, с.9]; требовалось «соотнесение этапов развития языка с историей общественных формаций» [36, с.194]. Нетрудно видеть, что первая и вторая идеи идут от позитивистского языкознания конца XIX – начала XX в., а третья – от несколько сглаженного марксизма. Ничего марксистского по существу здесь не было, о чем уже писал В.А. Звегинцев [31, с.20].

Среди немногих советских лингвистов, которые и в 50–60-е годы стремились всерьез развивать марксистскую лингвистику, следует вспомнить уже упоминавшегося Т.П. Ломтева. Он пытался связать марксистскую теорию, в частности ленинский принцип отражения, с достижениями теоретической лингвистики XX в., в том числе структурализма; см. его статьи, многие из которых вошли в посмертную книгу [38]. Во ряде случаев, однако, Ломтев объявлял «марксизмом а языкознании» принципы, широко распространенные в лингвистике разных направлений. Прежде всего это признание «субстанции языковых фактов» [39, с.8] и признание значения как объекта, который нельзя исключить из лингвистики [40, с.16]. Безусловно обратное: понимание языка как чистой сетки отношений и стопроцентное отрицание семантики труднее совместимо с материализмом, но оба отстаиваемых Т.П. Ломтевым принципа нельзя считать специфически марксистскими. Иногда, впрочем, приверженность марксизму толкала его к постановке интересных проблем, например, он писал о «противоречии между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями в процессе общения людей» [41, с.79], затронув в связи с этим одним из первых у нас проблему избыточности в языке [41, с.85]. Как и ряд других советских авторов, он изучал переход количества в качество в истории языков [42, с.16–33]. Но опять-таки эта проблематика скорее стимулировалась марксизмом, чем была собственно марксистской.

К числу советских лингвистов, продолжавших поиски в данном направлении, следует отнести и Б.А. Серебренникова, занимавшегося этим даже в 80-е годы [43; 44]. И опять-таки влияние марксизма проявляется либо в самых общих положениях вроде определения понятия закона [44, с.157], либо в выборе некоторых проблем, прежде всего, как и у многих других, проблемы противоречий в языке [44, с.213–229].

В целом же в 50–80-е годы в нашей лингвистике большой активности в такого рода поисках не было. Эти поиски вели лишь ученые, сложившиеся ранее, а более молодые просто игнорировали всю проблему. Ничего не было похожего на споры философов или историков-«шестидесятников» об очищении марксизма от сталинизма. Уже в начале 60-х годов Т.П. Ломтев с грустью констатировал: «Говорить о марксизме в языкознании стало признаком дурного тона» [45, с.152].

Тем не менее во многих самых разных по тематике работах встречались цитаты из классиков марксизма или экскурсы в марксистское языкознание.

Все это имело характер чего-то добавочного, как и в случае книги «Марксизм и философия языка». Однако не всегда такие вкрапления были просто отписками. Яркий пример – раздел И.П. Мучника и М.В. Панова в книге о развитии лексики русского языка в советское время [46, с.23–28]. Исходя из слов В.И. Ленина о развитии как борьбе противоположностей, авторы выделяют ряд языковых антиномий: говорящего и слушающего, узуса и возможностей языковой системы, кода и текста, асимметричности языкового знака, информационной и экспрессивной функций языка. Всё это, безусловно, – разработка серьезной научной теории, хотя и изложенной довольно кратко. Вообще надо сказать, что из всей традиционно марксистской проблематики в советском языкознании наиболее успешно и плодотворно разрабатывались вопросы, которые можно было трактовать как отражение в языке законов диалектики. Однако, во-первых, сами эти законы разработаны еще Г. Гегелем и связаны с более широкой, чем марксизм, традицией. Во-вторых, лингвистическая проблематика такого рода находится в русле поисков многих направлений науки о языке XX в., вовсе не обязательно идущих от Маркса или даже от Гегеля. И.П. Мучник и М.В.Панов, выделяя антиномии, прежде всего исходили из идей С. Карцевского и Р.Якобсона, вероятно, также и Е.Д. Поливанова.

Так что проблема марксистского языкознания (не говорим сейчас о социолингвистике), в какой-то степени «закрывая» еще Сталиным, руководствовавшимся просто здравым смыслом, нерешаема в принципе. Характерно, что нынешняя пора разоблачений марксизма-ленинизма не затронула лингвистику, занятую другими проблемами.

И все же лингвисты, получившие образование в советское время, прошли школу марксизма. И по крайней мере до 60-х годов они обычно учили марксизм добросовестно, по первоисточникам. Влияние марксизма редко гасилось влиянием иных философских учений: как правило, лингвисты доперестроечной эпохи были к ним равнодушны (исключая лишь некоторое время неопозитивизм, который мог парадоксальным образом сочетаться с марксизмом). Действие серьезной, хорошо разработанной и всеобъемлющей концепции, не обязательно осознанное, не могло исчезнуть даже у тех, кто резко отрицательно относился к советскому строю.

Нам представляется, что «прививка» марксизма прежде всего проявлялась в сознательном или бессознательном отказе от двух подходов к объекту лингвистики. Во-первых, это нежелание ограничиваться «фактографией». В советской науке долго плюсом считалась «проблемность», стремление обобщать, и это объединяло лингвистов (и не только лингвистов) разных взглядов. Во-вторых, советские лингвисты не были склонны относиться к своему объекту как к игре, как к «фокусу-покусу»; опять-таки ученые разных взглядов (и не только лингвисты) стремились выяснить, что происходит «на самом деле». И не случайно, что соответствующим образом воспринимались и зару-

бежные теории: Пражская школа оказала большее влияние на советскую лингвистику, чем глоссематика (может быть, даже стоило бы говорить о Пражско-Московской школе), а Э. Сепир оказался ближе советским лингвистам, чем Л. Блумфилд. Мы, конечно, не утверждаем, что все это целиком зависело от марксизма, но, возможно, какое-то его влияние здесь было.

Объем статьи не позволяет нам подробно говорить о марксистской лингвистике за рубежом, здесь мы и не владеем полной информацией. Отметим лишь, что среди известных нам работ явно преобладают социолингвистические, связанные с теми или иными модификациями марксистского учения об обществе, прежде всего капиталистическом. К марксизму в 20–30-е годы пришли заметные представители французской социологической школы: ближайший ученик А. Мейе Марсель Коэн и основатель школы французских финно-угроведов Орельен Соважо; см. [47; 48]. В наши дни в разных странах существует весьма серьезное направление социолингвистики, основанное на марксизме, дополненном идеями Г. Маркузе, М. Вебера и др.; см. часто цитируемую книгу английского ученого Н. Ферклу «Язык и власть» [49], а также [50]; кстати, эти авторы широко используют и идеи В.Н. Волошинова – М.М.Бахтина. О собственно марксистской лингвистике больше всего говорили и говорят в Японии.

Особо выделялся известный лингвист и философ Ц. Миура², автор написанного в 60-е годы трехтомного труда «Сознание и теория языка» [52]. Пожалуй, это единственный известный нам столь объемистый труд на эту тему (в СССР дальше статей или разделов в книгах дело не шло). Отметим и то, что Миура – один из очень немногих, кто разбирал (и весьма критически) с марксистских позиций работы И.В.Сталина. Но там, где Миура обращается к языку, он развивает влиятельную в Японии и не относящуюся к марксизму концепцию «языка как процесса» видного лингвиста М. Токиэда (фрагменты его главного труда см. [53, с.85–110]). Так что всё нам известное о западной марксистской лингвистике, по-видимому, не опровергает наших выводов.

ЛИТЕРАТУРА³

1. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // Бахтин под маской. Маска третья. М., 1993.
2. Ленинская хрестоматия о языке. Составили Т. Ломтев и Я. Лоя. М.–Л., 1932.

² По-русски это имя можно встретить в неожиданном контексте. Переведена книга японского марксиста [51], написанная в жанре «разговоров в царстве мертвых». Здесь комментатором действий М.С. Горбачева наряду с Лениным, Сталиным, Троцким, Мао Цзэдуном и др. выступает и Миура, что свидетельствует о его авторитетности в Японии.

³ В данном списке работы даны по мере их упоминания в тексте.

3. Маркс, Энгельс и Ленин по вопросам языка // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях, т.2. М., 1965.
4. Франкский диалект // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений, изд.2-е, т.19.
5. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же, т.21.
6. Анти-Дюринг // Там же, т.20.
7. Письмо к Ф.Лассалю // Там же, т.29.
8. *Лафарг П.* Язык и революция. Французский язык до и после революции. М.–Л., 1930.
9. *Марр Н.Я.* Избранные работы, т.1. М.–Л., 1933.
10. *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
11. *Ломтев Т.П.* Очередные задачи марксистской лингвистики // *Русский язык в советской школе*, 1931, №5.
12. *Ломтев Т.П.* К вопросу о большевистской партийности в языке Ленина // *Литература и язык в политехнической школе*, 1932, №1.
13. *Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. М., 1931.
14. *Поливанов Е.Д.* Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория. Стенограмма 4 февраля 1929 г. // *Поливанов Е.Д.* Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
15. *Поливанов Е.Д.* Круг очередных проблем современной лингвистики // *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
16. *Поливанов Е.Д.* Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса // Там же.
17. *Поливанов Е.Д.* Рецензия на книгу Р. Якобсона [27].
18. N.S.Trubetsky's Letters and Notes. The Hague – Paris, 1975.
19. *Поливанов Е.Д.* Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции // *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
20. *Брендаль В.* Структуральная лингвистика // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях, т.2. М., 1965.
21. *Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.
22. *Поливанов Е.Д.* Программно-методологический экскурс // *Поливанов Е.Д.* Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
23. *Якубинский Л.П.* Проблемы синтаксиса в свете нового учения о языке // *Якубинский Л.П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.
24. *Леонтьев А.А.* Была ли господствующая идеология марксистской? // Из истории отечественной филологической науки. 20–50-е годы. Тезисы докладов конференции. М., 1994.
25. *Махлин В.Л.* Комментарий // *Бахтин под маской. Маска третья.* М., 1993.
26. Неметцкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений, изд.2-е, т.3.
27. *Jakobson Roman.* Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves // TCLP, II, Prague, 1929.

28. *Бочаров С.Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение, 1993, № 2.
29. *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1950, № 1.
30. *Кудрявский Д.Н.* Введение в языкознание. Юрьев, 1912.
31. *Звегинцев В.А.* Что происходило в советской науке о языке // Вестник АН СССР, 1989, № 12.
32. *Слюсарова Н.А., Страхова В.С.* История языкознания (пособие для студентов-заочников), вып.7. М., 1976.
33. *Филин Ф.П.* Теоретические проблемы языкознания // Вестник АН СССР, 1970, № 7.
34. *Филин Ф.П.* Советское языкознание: теория и практика // ВЯ, 1977, № 5.
35. *Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. М., 1982.
36. *Будагов Р.А.* Человек и его язык. М., 1976.
37. *Будагов Р.А.* К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике. // ВЯ, 1981, № 2.
38. *Ломтев Т.П.* Общее и русское языкознание. М., 1976.
39. *Ломтев Т.П.* Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958.
40. *Ломтев Т.П.* О спорных вопросах теории синтаксиса // Филологические науки, 1958, № 4.
41. *Ломтев Т.П.* О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания // ВЯ, 1953, № 5.
42. *Ломтев Т.П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
43. *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
44. *Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М., 1988.
45. *Ломтев Т.П.* Современное языкознание и структурная лингвистика // Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964.
46. *Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка.* М., 1968.
47. *Cohen M.* Linguistique et société // A la lumière du marxisme, vol.1. Paris, 1935.
48. *Sauvageot Au.* Linguistique et marxisme // Ibid.
49. *Fairclough N.* Language and Power. London – New York, 1989.
50. *Power and Inequality in Language Education.* Ed. by J.W.Tollefson. Cambridge, 1995.
51. *Куроода Кунъити.* Сны Горбачева. М., 1994.
52. *Миура Цutomу.* Нинсики то гэнго но рирон, т.1–3. Токио, 1967–1972.
53. *Языкознание в Японии.* М., 1983.

РОЛЬ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

Конструкции экспрессивного синтаксиса были и остаются предметом особого внимания синтаксической науки. Одни исследователи пытались объяснить эти конструкции в терминах классической грамматики, предназначенной для анализа «синтагматической прозы» (термин Н.Д. Арутюновой) XIX в., и квалифицировали их как неполные, как отклонения от синтаксической нормы. Другие лингвисты, собрав все экспрессивные конструкции воедино, создали особую лингвистическую дисциплину – синтаксис речи, исключив ее из общеграмматической проблематики. Ни те, ни другие не объясняли законов употребления экспрессивных конструкций. Это потребовало от ученых создания новой теории, которая позволила бы определить место экспрессивных конструкций в русской синтаксической системе и сформулировать законы их употребления в тексте. Такими инструментами, позволяющими объяснить роль конкретных синтаксических средств в тексте и в синтаксической системе, являются концепция функционально-коммуникативной грамматики, разработанная Г.А. Золотовой [Золотова и др. 1998], а также ряд положений общелингвистического плана, выдвинутых В.М. Солнцевым [Солнцев 1977; 1995].

Объектом исследования лингвистической науки является речь, а целью – адекватное представление языковой системы [Солнцев 1977]. Классическая грамматика представляла русскую языковую систему как совокупность уровней – от уровня звука до уровня предложения. В таком описании не было места говорящему, его коммуникативным намерениям, не принимались во внимание условия реализации тех или иных языковых единиц. Предложения рассматривались изолированно, вне их словесно-смыслового контекста.

Предложение в тексте, предложение как выражение сознания говорящего, а следовательно, предложение в речи стало предметом стилистики (см. работы Ш. Балли). Лингвистика же обратила внимание на особое членение предложения в речи, часто не совпадающее с делением предложения на группу подлежащего и группу сказуемого. Как известно, В. Матезиус назвал это членение актуальным [Матезиус 1967].

Средства экспрессивного синтаксиса – это объект лингвистики текста, который не может быть описан вне текстовой синтагматики. Именно поэтому средства экспрессивного синтаксиса не рассматривались в грамматиках XIX в., для которых основным синтаксическим объектом было предложение, и не получили адекватного представления в описательных грамматиках XX в., для которых исходным пунктом синтаксического анализа была и остается морфологическая форма члена предложения. Само понятие простого предложения было сформулировано на основе законов «синтагматической

прозы». Такая грамматическая теория не могла объяснить фактов, которые появлялись в текстах, но вне предложения.

Если применительно к синтаксису XIX в. господствующей теорией был вербоцентризм, т.е. утверждение обязательной глагольности русского предложения, то на современном этапе развития синтаксической науки глагол признается морфологической базой выражения предикативных значений модальности, времени и лица, но не единственным средством выражения – применительно к русскому и другим языкам с развитой морфологией. Говорящие же на языках, типологически отличных от русского, формируют предикативную базу предложения – предикативность и предикативное отношение – на основе иных составляющих [Солнцев 1984; Курдюмов 1993]. Глагол в русском литературном языке является обязательным компонентом лишь акциональных моделей в их исходном изосемическом виде. Но и эти модели могут существовать без глагола, что обнаруживает их экспрессивную окрашенность.

Конструкции экспрессивного синтаксиса нельзя описать средствами вербоцентрической теории предложения, поскольку для экспрессивного синтаксиса характерно ослабление глагольности. Эту тенденцию можно наблюдать на двух направлениях: 1) при сегментации глагол ослабляет контроль над всеми компонентами предложения: компоненты предложения выводятся в особые сегменты, тематические (традиционный и именительный представления и его эквиваленты): *Образовалась компания. По вечерам, когда спадала жара, собрались под звездами... Ночи под звездами! Сколько их было в моей жизни?!* (И. Гофф) или рематические (традиционные парцелированные конструкции): *Люди выбегали один за другим. Тот нес чемодан, другой – узел, третий – мешок, и опять уходил за чем-нибудь* (И.А. Гончаров); 2) при образовании экспрессивно-коммуникативных вариантов акциональных моделей для выражения особых экспрессивных значений активизируются именные синтаксемы, обозначающие релевантные признаки действия: *Татьяна в лес; медведь за нею* (А.С. Пушкин).

Средствами синтаксической экспрессии выступают тематическая и рематическая сегментация, безглагольные акциональные предложения. Общим же для всех средств экспрессивного синтаксиса является то, что непосредственным объектом отображения оказывается время – время восприятия или время действительности, время мысли или время речи. Если сегментация имитирует непосредственный процесс мышления, т.е. отражает время мысли или речи, то безглагольные акциональные предложения – это отражение времени событий, они имитируют быстроту изменений в окружающей действительности и, соответственно, внезапность восприятия субъектом речи. Глагол выражает действие, протяженное во времени. Резкая смена событий уменьшает временной интервал до минимума, поэтому говорящий не использует глагол (даже глагол совершенного вида).

Типичным способом повышения в ранге неконструктивных компонентов предложения является сегментация. В широком понимании сегментация – это членение текста на отдельные «сегменты», при котором информация подается частями, порциями. В данной работе рассмотрены два типа сегментации: тематическая и рематическая. Тематическую сегментацию исследовали (не используя термина) в связи с именительным представлением, или именительным темой. Рематическая сегментация была объектом исследования в связи с явлением парцелляции. К рематической сегментацией имеет прямое отношение явление присоединения.

Объединение в одном исследовании именительного темой и парцелляции оказалось возможным на основании отнесения обоих явлений к уровню текста и применения теории актуального членения, поскольку само явление сегментации является синтаксическим средством структурирования темо-рематического членения.

Основные единицы актуального членения – тема и рема, которые представляют собой результат членения предложения, но как единицы информации они принадлежат тексту. Текст строится как движение от известного к неизвестному. Новая информация осваивается адресатом и становится известной, темой последующего высказывания.

В зависимости от места, которое тематические сегментированные конструкции (ТСК) занимают в тексте, в работе различаются три типа ТСК: 1) ТСК с сегментом, находящимся в середине текста; 2) ТСК, соединяющие заголовки и последующий текст; 3) ТСК, занимающие положение в начале абзаца. Серединная позиция – основная позиция для тематического сегмента, который связан с предтекстом и невозможен без посттекста. Связь сегмента с предтекстом может быть словесной, словесно-смысловой или смысловой и усиливается повтором. Связь с посттекстом обычно подкрепляется анафорическими местоимениями.

При анализе функционирования ТСК в тексте были обнаружены следующие три основных текстовых функции: функция переключения, экспрессивная функция и функция имитации.

Поскольку для ТСК типовой позицией является срединная, т.е. наличие предтекста и посттекста, то ТСК чаще всего выполняет функцию переключателя из одного регистра в другой или из одной субъектной сферы в другую (о понятиях коммуникативного регистра и субъектной сферы см. работы Г.А. Золотовой и Н.К. Онипенко). Типичный представитель ТСК – именительный темой – предназначен именно для функции переключения – переключения темой, или, другими словами, переключения субъекта диктума. Например: *Кроме хлеба давали еще дуранду. Нечто черное, плотное, маслянисто-блестящее. Картофельные очистки. Их тоже давали по карточкам* (И. Грекова). В этом текстовом фрагменте сегмент *Картофельные очистки* играет роль «переключателя» темой: в предтексте и посттексте говорится о

разных темах, которые поменялись именно при помощи сегмента. Заметим, что несколько иная трактовка подобных конструкций, которые характеризуются как явно топиковые в противовес подлежащим, отмечается в работах В.А. Курдюмова [Курдюмов 1993].

Кроме функции переключения темы сегмент переключает и коммуникативный регистр. В большинстве случаев это особое «переключение» позволяющее говорящему «вывести» свою речь из пределов объективной действительности во внутренний мир, в область идей и понятий, где время как категория перестает ощущаться. Например: *И вот три звонких голоса под аккомпанемент гитары дружно грянули: «...Вот бы сразу взрослым стать, отдохнуть от детства...», Левин покачал головой и улыбнулся. Детство... Оно для них вроде манной каши, которой пичкают родители, быстрее бы проглотить, чтобы отвязались* (В. Песков).

За счет переключения коммуникативных регистров реализуется функция переключения субъектных сфер. То, что при помощи сегмента диктумный субъект всегда меняется, это само собой разумеется, постольку это и есть исходное назначение ТСК. Переключение субъектных сфер связано с модусным субъектом, который, по мнению Н.Д. Арутюновой, может быть разделен на субъект перцепции (восприятия), субъект знания, субъект мнения, субъект воли и субъект эмоциональной реакции [Арутюнова 1992, 52–110] в соответствии с типами модусов. По мнению Г.А. Золотовой и Н.К. Онипенко, модусная рамка обычно связана с коммуникативными регистрами текста. И в соответствии с регистрами они выделяют следующие модусные рамки: перцептивная, информативная, волюнтивная, реактивная и речевая [Золотова и др. 1998].

При переключении субъектных сфер тематический сегмент вводит либо информативно-описательный, либо информативно-повествовательный регистр, но и в том, и в другом случае речь идет о том, что касается жизни самого рассказчика. Коммуникативный регистр может оставаться тем же самым, что и в предтексте, но характер изображения действительности изменяется, взгляд перемещается во внутренний мир. В этом внутреннем мире живут образы, впечатления, понятия, слова. Именно в ТСК мы наблюдаем такое явление, которое Ю.М. Лотман удачно назвал автокоммуникацией [Лотман 1996, 23–45].

Использование ТСК позволяет автору художественного или публицистического текста реализовать две задачи: 1) представлять процесс мышления как непосредственно разворачивающийся перед глазами читателя, т.е. создать у читателя иллюзию сопричастности моменту мышления; 2) приблизить читателя к субъектной сфере мыслящего и говорящего автора: *Возможно, Варя к старости и похорошела, хотя трудно себе это представить ... Варя, сестра его детства ... Не видел ее давным-давно, с тех самых пор, как сошелся с Дашей* (И. Грекова).

Второй тип сегментации – сегментация рематическая, явление, которое связано прежде всего с парцелляцией. В истории русской синтаксической науки термин «парцелляция» взаимодействует с термином «присоединение». В течение достаточно длительного времени оба термина использовались в лингвистической литературе для обозначения явлений одного порядка и употреблялись как синонимы. Присоединение и парцелляция – это явления разных уровней. Несмотря на то, что одни и те же языковые факты могут интерпретироваться лингвистами и как парцелляция, и как присоединение, присоединение является логико-семантической интерпретацией, а парцелляция – операцией над ремой, и она возможна только в том случае, если сегментированный компонент может быть ремой, т.е. может быть предикативно значимым, может принимать на себя функцию информативного центра синтаксической структуры.

В отличие от тематических сегментированных конструкций, которые обычно стоят в начале высказывания и могут соединять разные коммуникативные регистры, рематические сегментированные конструкции (РСК) стоят в конце высказывания, и членение ремы чаще происходит в рамках одного коммуникативного регистра. При анализе РСК были выявлены следующие их текстовые функции:

- функция увеличения количества рематически значимых компонентов;
- функция создания иллюзии непосредственного процесса мышления;
- экспрессивная функция.

Если ТСК связана с усложнением регистровой композиции текста, то РСК позволяет увеличить количество рематически значимых (информативно значимых) компонентов, выделяя их в особую рему. Увеличение количества речевых единиц – это не простое расчленение высказывания средствами интонации и пунктуации. Это отражение особого хода мысли, иногда не одного, а нескольких субъектов. Кроме того, увеличение количества рем возможно не только при расчленении ремы базовой структуры, но и при добавлении рематических сегментов к уже имеющейся реме. Например: *Тут Сашка сам себя остановил: совсем ничего не брать не годилось. Брать надо. В меру. Колька сообразит, какая это мера* (А. Приставкин) – расчленение ремы предтекста; *В госпитале у Федора Грушина было вдоволь свободного времени. Он сочинял стихи. Скромно, никому не показывая* (О. Смирнов) – добавление к реме предтекста.

Исследование текстов с РСК показало, что сегментация текста в данном случае ведет к выравниванию количества предикативных единиц и количества информативных единиц.

Экспрессивная функция и функция имитации речемыслительного процесса характерны не только для тематической сегментации, но и для рематической. Функция имитации связана с интенцией говорящего приблизить сегментированные конструкции к разговорному типу речи, «изображать» время

речи, имитировать спонтанную сиюминутную мысль и речь. Отображение времени мысли и речи в них является особым видом экспрессии, поскольку в данном случае предполагает определенную цель говорящего – привлечение внимания адресата к вычлененному тематическому и речевому сегменту.

Имея своим источником разговорную речь, сегментированные конструкции в художественных текстах и публицистике часто используются для создания иллюзии непосредственного процесса мышления, осмысления или припоминания. Если в условиях устно-разговорной речи сегментация произвольна или неконтролируема, то авторы литературно-художественных и публицистических произведений прибегают к эффекту сегментации вполне сознательно – для создания иллюзии разговорности, спонтанности.

Особым средством экспрессивного синтаксиса являются безглагольные акциональные предложения (БАП), в структуре которых участвуют слова, характеризующие действия, движения лица или предмета, но нет акциональных глаголов, называющих это действие или движение, и, следовательно, нет лексем, подчиняющих словоформы. Например: *Я испугалась – и в постель* (А. Эбаноидзе). Особенность БАП состоит в том, что предикативные категории модальности, времени и лица выражаются не средствами глагольных аффиксов, а средствами самой синтаксической структуры.

Отсутствие глаголов может быть свойственно и неполным предложениям. Но системный статус этих предложений нельзя интерпретировать термином «неполнота», поскольку рассмотренные предложения самодостаточны и по смыслу, и по коммуникативной значимости. Их функциональная предназначенность состоит в выражении особой синтаксической экспрессии, отражающей динамику событий. Они занимают свое место на периферии синтаксического поля предложения, являясь коммуникативно-экспрессивными вариантами акциональной модели.

Периферийность данных конструкций не означает их неполноту, но предполагает определенные ограничения на грамматические и структурно-семантические модификации: в отличие от центральных моделей предложения они предполагают меньшую функциональную парадигму. Как в сегментированных конструкциях прием восстановления разорванных связей, так же и в БАП «восстановление» глагола лишает исследуемые конструкции их семантико-синтаксических и экспрессивных свойств.

БАП характеризуются предназначенностью для репродуктивно-повествовательного регистра, т.е. для функционирования в актуальном времени. Они выражают начальную фазу, намерение субъекта, его внезапную попытку быстро изменить ситуацию: *Он же испугался, Танюша! Ты знаешь, как он меня одел. За минуту, по-солдатски! И мы в больницу* (Г. Петров); *Путники почаявали и – быстро к шитику* (В. Шишков).

Так же, как и у глаголов, у предикатов БАП имеется свойство отсылки к предшествующей ситуации. Указывая на возникновение у субъекта предложения нового признака, они тем самым «намекают» на изменение состояния: становление признака противопоставляется его отсутствию. В связи с тем, что большинство субъектов в БАП одушевленные, предикаты в них обладают широкими возможностями для модальных модификаций. Например: *Я с нее плащ снял, она сразу в кровать, раздевается и что-то натекает* (А. Сегень); *Черный, тот здорово испугался да к машине, а машина тут же* (А. Макаренко); *Я за ней, но тут трамвай остановился, и она вдруг сошла и пропала в темноте* (Н. Чуковский). Поскольку большинство субъектов в БАП одушевленные, предикаты в них обладают широкими возможностями для модальных модификаций.

Попадая в реальный контекст, БАП по своей системной предназначенности может функционировать не только в рамках репродуктивно-повествовательного регистра, но и при выражении итеративности в информативном регистре в узуальном времени. При этом фрагменты с БАП создают особую регистровую вариацию – наглядно-примерную [Золотова 1995, 128], что объясняется тем, что и в рамках информативного регистра БАП сохраняет соотносительность с точкой зрения субъекта наблюдателя. Например: – *Какую баню вы предпочитаете: русскую или сауну?* – *Русскую! Особенно зимой, когда с пара – да в прорубь!* (Центр-плюс, 1997, № 39, с. 96).

БАП имеет особое отношение к функции изображения времени событий, поэтому они рассмотрены в связи с тремя текстовыми функциями видо-временных форм глагола – аористив, имперфектив, перфектив. Было доказано, что при отсутствии глагола эти модели способны выполнять те же самые текстовые функции по отношению к категории времени, что и видо-временные формы глагола. Текстовые функции иногда выражаются внутренним составом БАП, иногда с помощью глагольного окружения, а иногда требуется более конкретный контекст, чтобы выяснить текстовые функции и показать событийные, таксисные связи.

БАП выполняет в тексте три основные функции:

а) аористивную в актуальном времени – представление быстрой смены событий с точки зрения прямого наблюдателя или участника: *Он побежал к тарантасу, выбросил обалдевших сватов, вскочил на козлы – и в погоню* (Ф. Абрамов); *Захохотала, дойник на ружу – да на двор* (В. Белов).

б) имперфективную, при выражении многократного повторения одних и тех же действий субъекта: *Бывало, как обижусь на Ольгу Иванову, так хлеба в узелок завяжу и туда, в Ветошку, к бабушке* (В. Панова); *И вот тогда именно Лизунова по ночам стала пропадать. Как полночь – она за дверь, и нет ее!* (Г. Петров).

в) перфективную, когда речь идет о результате, не имеющем будущей перспективы: – *Ну, что же вы стоите, не проходите?* – *удаленно спросила Женя.* – *Спасибо, я на минуту* (А. Эбаноидзе).

Исходной его функцией является аористивная, значительно реже реализуется перфективная. Имперфективная функция обнаруживается в рамках информативного регистра в связи со значением итеративности. БАП ничем не отличается от глагольных моделей по своим возможностям участвовать в таксисных отношениях. Более того, семантика БАП предполагает встроенность данного события в цепочку событий, локализованных на текстовой временной оси. Аористивная функция обнаруживает связь с предшествующей ситуацией и направленность в будущее, т.е. наличие временной перспективы.

Проведенное исследование показало, что экспрессивность находится в тесном взаимодействии с эмоциональностью, модальностью и оценкой, непосредственно отражает особенность мышления и речи конкретного субъекта, отражает характер действительности. Сегментация позволяет замедлить время, отразить время мысли и речи. Опускание глагола в акциональных моделях сжимает, спрессовывает время событий, позволяет отразить динамичность, стремительность процесса, неожиданность поворота событий, внезапность восприятия.

Будучи явлением уровня речевой тактики, сегментированные конструкции должны описываться не в терминах теории членов предложения и/или теории валентности, не на уровне простого предложения, а в тексте, с учетом разворачивания информативного потока в тексте, в связи с теорией актуального членения. Несмотря на принадлежность экспрессивных конструкций синтаксису речи, они могут и должны описываться на единых функционально-коммуникативных принципах, так как уровень речевой тактики обеспечен собственными языковыми средствами, которые в системе русского синтаксиса занимают место на периферии.

Безглагольные синтаксические конструкции играют важную роль в синтаксической системе современного русского языка, особенно в ее экспрессивной части. Синтаксическая система русского предложения, представленная в виде поля, делится на центр и периферию. Речь направлена на передачу информации, подчиненной в результате интеллектуального освоения окружающей действительности, поэтому центр синтаксической системы занимают модели предложения, функциональная предназначенность которых связана с выражением коммуникативно значимой информации. Аффективное в синтаксической структуре предложения принадлежит периферии синтаксического поля. Соответственно в центре окажутся средства репродуктивного, информативного и генеративного регистра речи, а реактивный займет свое место на периферии.

При всем различии средств выражения рассмотренные синтаксические конструкции объединяет общее экспрессивное назначение и тот экспрессивный эффект, который достигается при их использовании – приближение к процессу мысли и речи, создание иллюзии спонтанно возникающих мысли и речи; приближение к процессу восприятия реального события, передача динамики этого события.

Проблемы экспрессивного синтаксиса приобретают в современной лингвистике все большую актуальность на фоне возрастающего интереса к говорящей личности как субъекту речевой деятельности, к коммуникативному процессу, к процессу, приведшему к значительным изменениям в русской прозе XX в., к интенсивному изучению структуры текста как продукту речевой деятельности. Текст становится важным объектом и вместе с тем инструментом исследования: «От текста и через текст выявляется назначение всех элементов и связей языка» [Золотова 1995].

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д.* Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
- Арутюнова Н.Д.* О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. М., 1972.
- Балли Ш* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Золотова Г.А.* О новой русской грамматике // Филологический сборник к 100-летию рождения В.В. Виноградова. М., 1995.
- Золотова Г.А., Опитенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Курдюмов В.А.* Топиковые структуры и их типология // НТИ. Сер.2. 1993, № 12.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек, текст, семиотика, история. М., 1996.
- Матезиус В* Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е. М., 1977.
- Солнцев В.М.* Грамматическая структура и актуальное членение предложения // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.
- Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков. М, 1995.

О СЕМАНТИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯЦИЯХ ГЛАГОЛОВ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (на материале английского языка)

Целью данного исследования является изложение основных результатов анализа семантических корреляций глаголов со значением окончания действия (*to finish, to end, to discontinue, to cease, to terminate, to complete*) и соответствующих отглагольных существительных (*finish, end, discontinuation, cessation, termination, completion*).

Предпринятое исследование глаголов и существительных проводилось методом компонентного анализа, в основе которого лежит идея, что значения слов складываются из системы различительных признаков. В процессе работы применялась также экспериментальная методика, поскольку часто только эксперимент позволяет установить истинность выдвигаемой гипотезы. В ходе исследования систематически опрашивались группы англичан, среди которых были стажеры, студенты и преподаватели университетов Лондона и Оксфорда.

Проведенный анализ глаголов со значением окончания действия и образованных от них именных производных позволил обнаружить некоторые общие тенденции их лексико-семантических корреляций. Сравнивалась как частота употребительности глаголов и существительных, так и объем их семантических структур и, в частности, их стилистические характеристики.

1. В целом можно сказать, что большинство отглагольных существительных имеет гораздо меньшую частоту употребления по сравнению с глаголами.

Исключение составляет существительное *end*, а также существительное *finish* при его употреблении в одном из присущих ему значений, а именно тогда, когда *finish* указывает на совокупность материальных качественных характеристик, возникающих в результате обработки поверхности объекта, например: *The finish of the dress was careful*. Глагол *finish* в соответствующем значении употребляется значительно реже, хотя такое употребление возможно, например: *I don't like the way he finished the letter*. В этом предложении глагол указывает на то, каким образом произведено действие

В целом же, как было отмечено, употребление глагольных единиц значительно превышает именные. Особенно наглядно это проявлялось, когда информантам предлагалось для оценки одновременно предложение, содержащее глагол со значением окончания действия и аналогичное предложение, содержащее предикат с именной лексемой. Как правило, предпочтение отдавалось предложению с глаголом, хотя фраза, содержащая существительное, также оценивалась как правильная. Проведенное исследование показало, что

разница в функционировании связана, в частности, с тем, что существительные обладают гораздо меньшими сочетаемостными возможностями. Они имеют ограничения в способности сочетаться с существительными, обозначающими основное событие, о прекращении которого идет речь. Например, слово *cessation*, как правило, может встречаться с ограниченным кругом существительных: *cessation of hostilities, cessation of dependence, cessation of work, cessation of contract, cessation of fighting* и некоторые другие. В то время как глагол *cease* способен сочетаться с глаголами, обозначающими разного рода обобщенные действия, может также употребляться с предикатами свойства, с глаголами, выражающими многократное действие, с некоторыми видами конкретного действия.

Отглагольные существительные способны образовывать предикативные выражения с ограниченным числом глаголов. Это, например, такие единицы, как: *bring about, come about, take place, occur, lead to* и некоторые другие. Исключение составляет существительное *end*, круг сочетаемостных возможностей которого достаточно широк.

2. Кроме различий в частотности и сочетаемости у глаголов и существительных обнаруживаются также различия и в количестве значений, а также и в их составе.

2а. В целом можно сказать, что в количественном отношении значения глагольных лексем, обозначающих окончание действия, преобладает над именными. Полное совпадение по количеству значений у глаголов и имени наблюдалось только у слов: *to end – an end, to discontinue – discontinuation*. В остальных случаях совпадений в количественном отношении не наблюдалось.

2б. При сравнении по составу значений было установлено, что некоторые из значений совпадают. Например, существует почти полная корреляция между значениями единиц: *to end – an end, to discontinue – discontinuation*. Однако были обнаружены также некоторые расхождения – например, в системе глагола присутствуют такие значения, которых нет в системе имени. Так, предложение: *He finished the letter* 'Он закончил письмо' невозможно трансформировать в отглагольное словосочетание, имеющее соответствующее значение: *the finish of the letter*. Это сочетание можно понять уже совсем в другом смысле – как 'оформление письма'.

В то же время у существительного *finish* есть значение, не выявляемое в структуре глагола. Оно указывает на то, что некоторое свойство придает объекту законченность в эстетическом плане: *The decorations of the room were appropriately coloured – the apple blushing red, the grapes – an inky black, green leaves were scattered here and there to lend finish*.

Было обнаружено также, что в системе существительного нет такого значения, которое соответствовало бы глагольному, когда *complete* указывает на

доведение объекта до предела путем пополнения его материальными частями, например: *The king completed the speech.*

Существительное *completion* не может обозначать последнюю материальную часть объекта: **The completion of the speech was pronounced by the king.* Напротив, *completion* может означать сумму творческих идей, которые придают полноту, например, наследию писателя: *This novel represented the completion of his literary work.*

Интересно, что оба упомянутых значения существительных не находят корреляций в системе глагола, они указывают на завершение в эстетическом или идейном плане, т.е. создают более абстрактную систему понятий.

Значительно шире по содержанию семантическая структура глагола *cease* по сравнению с *cessation*. Но в то же время у существительного *cessation* имеется интересная особенность употребления. Это слово в составе предикативного выражения может указывать, что период, в течение которого описываемое событие было прекращено, длился некоторое время. Эта особенность значения существительного *cessation* отличает его от существительного в русском языке со сходным значением. Нельзя сказать: **Было недельное прекращение огня.* Но можно: *There was a week-long cessation of Parliament; The truce brought about a week-long cessation of hostilities; The chairman of the committee decided that "month-long" cessation would be beneficial to both sides since negotiations had reached stalemate.*

В составе предикативного выражения слово *cessation* может выходить за рамки нормированной речи, за которой оно закреплено, и употребляться в речи обиходной: *I am a heavy smoker and whatever my doctor tells me a week-long cessation will make very little difference to my state of health.*

Не наблюдалось соответствия у глагола *terminate* с именной единицей в том случае, когда глагол указывает на достижение объектом последней точки, до которой он должен простираться, причем сам объект представлен в виде звеньев, вытянутых в линейную последовательность, например: *The railway terminates at the seaport.*

Итак, при установлении семантических корреляций глаголов и образованных от них именных единиц можно в целом утверждать, что, во-первых, наблюдается меньшая частота употребления отглагольных существительных по сравнению с глаголами; во-вторых, существительные в среднем обладают меньшими сочетаемостными возможностями; в-третьих, в количественном отношении смысловые признаки глаголов превышают компоненты значения существительных; в-четвертых, обнаружены некоторые расхождения в «качественном составе» тех значений, которые входят в семантическую структуру глаголов и существительных. Следует также отметить, что место в системе языка и функционирование в речи существительных, коррелирующих с глаголами, в значительной степени определяется принципом взаимо-

дополнения. Существительные начинают, как правило, употребляться шире и чаще в тех значениях, в которых не может употребляться глагол.

С.С.С.
С.С.С.

М.А. КОРОСТОВЦЕВ

Рецензия на книгу:
**В. М. СОЛНЦЕВ. ЯЗЫК КАК СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ¹**

Издание этой книги является, несомненно, очень положительным явлением как для нашей отечественной лингвистики, так и для зарубежной науки.

Общих работ о языке как о целом более чем достаточно и на русском, и на иностранных языках. Как правило, в них содержится много очень полезной и интересной для языкознания информации, много оригинальных и ценных выводов, много малоизвестных и порой совсем неизвестных фактов. Но в отношении концепции языка нельзя не отметить, что эти общие труды редко содержат последовательную и непротиворечивую теорию языка. Споры вокруг кардинальных проблем языкознания не затихают, что неизбежно и полезно. По этому поводу уместно меткое замечание Ч. Базелла: «Если оппозиции между лингвистами будут нейтрализованы, то “архимнение” окажется равным нулю».

Как, в конце концов, определить, что такое язык во всей его сложности и многогранности? Из чего следует исходить, чтобы создать и разработать единую, строго научную концепцию языка, базирующуюся не на произвольных философских убеждениях и взглядах отдельных авторов, а на объективных, научно аргументированных и контролируемых предпосылках?

Рецензируемая книга В.М. Солнцева представляет собой новую и оригинальную концепцию языка, построенную именно на таких предпосылках. В основе этой концепции нет предвзятых мыслей и убеждений, которые нельзя было бы проверить, нет сомнительных аксиом. Читатель может следовать за каждым шагом автора и убедиться в том, что его выводы являются результатом строгого логического мышления и потому — ясными, определенными, твердо обоснованными. Интуиции здесь не отводится никакого места. Ничего не принимается и не предлагается «на веру». Как в критике ряда научных гипотез и теорий, так и в доказательствах автор основывается на безусловно построенных силлогизмах. В этом очень сильная сторона книги В.М. Солнцева.

В краткой рецензии совершенно невозможно хотя бы бегло остановиться на всех проблемах, в той или иной степени затрагиваемых автором, но на некоторых, самых кардинальных необходимо остановиться.

¹ Книга опубликована в 1971 г. (М., Наука, ГРВЛ), изд. 2-е, 1977. — *Прим. Ред.*

Уже самое заглавие труда – «Язык как системно структурное образование» указывает на магистральное направление исследования автора. В интересах справедливости следует сказать, что вопрос о соотношении системы и структуры языка поднимался в научной литературе и раньше².

Рассмотрение соотношения системы и структуры языка является исходной точкой дальнейшего исследования В.М. Солнцева. Автор подвергает вполне обоснованной критике утверждения корифеев структурализма, согласно которым «язык есть форма, а не субстанция» (с.12). Но если в языке нет субстанции, а есть только форма, то естественно возникает вопрос: форма чего? Ведь формы без субстанции не существует. Связи и отношения, сеть отношений немислимы без чего-то, связываемого этими связями и отношениями: сами по себе, без этого «чего-то» ни связи, ни отношения существовать не могут, более того, без этого «чего-то» они немислимы. Сам Ф. де Соссюр вынужден был, входя в противоречие с самим собой, признавать, что «Немыслима никакая грамматическая абстракция без служащего для нее субстратом целого ряда материальных элементов, к которым в конце концов и следует всегда возвращаться» (с.7).

Таким образом, приходится признать и наличие материальных элементов языка, и отношений, их связывающих. Крайние соссюрианцы, отрицающие материальность элементов и определяющие эти элементы как точки пересечения отношений, таким образом, дематериализуют язык полностью. Но если бы это было так, то язык перестал бы существовать вообще и уж, конечно, не мог бы быть средством коммуникации.

Язык представляет собой совокупность материальных элементов, элементов материальной системы, элементов, связанных между собой той или иной структурой (т.е. связями и отношениями). Таким образом, язык предстает как вполне материальное системно-структурное образование, или, говоря словами В.М. Солнцева, «как материальное средство общения людей или, конкретнее, как вторичная материальная, или знаковая, система, используемая как орудие или средство общения» (с.3). Тем самым язык «подчиняется общим законам существования и развития природы и общества» (с.5). Вряд ли есть необходимость особо подчеркивать первостепенную важность этой мысли, этого вывода, который можно сформулировать и так: язык есть материальное системно-структурное образование, существующее и развивающееся по законам материалистической (а не идеалистической) диалектики.

Дальнейшее исследование автора разворачивается по линии анализа языка как знаковой системы.

² См., например: Г.П. Мельников. Системная лингвистика и ее отношение к структурной // Проблемы языкознания. М., 1967, с. 98-102; А.С. Мельничук. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с.38-70; и др.

«Ядром марксистской гносеологии является ленинская теория отражения», — пишет В.М. Солнцев. И именно в свете этой теории он рассматривает язык как знаковую систему. Следует привести очень четкое определение «знака» в языке, предлагаемое автором: «во-первых, он (т.е. знак. — М.К.) обозначает нечто, находящееся вне его, и, во-вторых, он не связан с обозначаемым естественной или причинной связью. Тем самым знак обладает: а) знаковой функцией (указание на что-либо) и б) свойством конвенциональности» (с.95).

Автор подчеркивает, что собственно условные знаки не следует смешивать с знаками, к которым относятся различные признаки или изображения чего-либо. «Поэтому они и связаны с этими предметами причинными отношениями или отношениями сходства. Поскольку же они позволяют судить о чем-либо находящемся вне их, постольку можно говорить об их “знаковом использовании”» (с.95). «Материальность есть обязательная черта знака» (с.99), или, как говорит автор, знак есть «кусочек материи» — звуковой материи. Очень важно подчеркнуть, что слово, безусловно являющееся единицей языка, не совпадает со знаком. Здесь возникает проблема двусторонности и односторонности знака. Знаком является лишь конвенциональная звуковая оболочка слова, но вовсе не то, на что она указывает, не обозначаемое. «Знак произволен (не мотивирован) по отношению к своему обозначаемому в целом (и по отношению к значению, и по отношению к предметной части)» (с.111). Что же касается слова, то оно «не произвольно. Оно мотивировано закрепленным за ним значением по отношению к предметной части означаемого, отражением которого является это значение» (с.111). Таким образом, слово нечто более широкое, чем знак. Слово двустороннее: оно состоит из звуковой оболочки + обозначаемое. Знак же состоит только из звуковой оболочки. Иначе говоря, знак указывает на обозначаемое (т.е. значение и понятие, которые представляют собой отражательные категории).

То же самое полностью относится и к морфеме: звуковая оболочка морфемы — это знак, а то, на что указывает этот знак, — это есть значение морфемы, которое не понятийно, а ассоциативно. Таким образом, слово и морфема различаются характером означаемого. Согласно автору, «если говорить в терминах знаковой теории, то следует охарактеризовать переход от морфемы к слову как изменение характера означаемого» (с.114). Следуя по тому же пути, В.М. Солнцев вполне последовательно признает знаковые свойства (в неразвитом виде) у фонемы и отмечает, что «фонема обладает также функцией выражения смысла как часть звуковой оболочки морфемы или слова» (с.114).

Проблема соотношения звучания и значения в языке органически связана с теорией значимостей (ценностей). Автор указывает на то, что значение слова есть категория отражательная, что оно мотивировано внеязыковой реальностью и зависит от нее. «Для системы языка значение единицы выступает

как ее системообразующее свойство, значимость – как системоприобретенное свойство» (с.120). В связи с этим В.М. Солнцев касается интересной проблемы «несовпадения» значений слов в разных языках. Он объясняет это тем, «что объем и содержание сходных значений в разных языках оказываются разными. Объясняется это в свою очередь тем, что значения, закрепленные в словах национальных языков, являются, как это установлено в языкознании, результатом не точного научного отражения и познания мира, а отражения и познания приблизительного, “бытового”, достаточного для того, чтобы правильно ориентироваться в реальном мире» (с.120-121). Рассмотрев в связи со всей этой проблематикой гипотезу «лингвистической относительности» Уорфа, В.М. Солнцев вполне резонно заключает: «В значениях языка отражено представление данного народа о внешнем мире, детерминированное этим внешним миром» (с.125).

Проблему мотивированности или немотивированности знака следует считать вполне разрешенной в пользу немотивированности. Автор очень уместно приводит интереснейшее высказывание В.В.Левицкого:

«В принципе звучание слова не имеет и не может иметь ничего общего с природой обозначаемого словом предмета или явления, ибо в противном случае не было бы возможным ни существование различных языков, ни изменение звуковой стороны языка в процессе его развития» (с.130). Указав на ряд языковых процессов, ведущих к «ощущению» (именно «ощущение» – и только. – М.К.) мотивированности знаков, автор заканчивает этот раздел исследования следующими словами: «Принцип произвольности языкового знака, понимаемого как односторонняя сущность, является важнейшим принципом строения системы языка как семиотической системы» (с.139). Отказ от этого принципа влечет за собой путаницу и противоречия всякого рода.

Очень интересны и, я сказал бы, поучительны выводы автора в результате его исследования соотношения языка и речи. Дихотомия эта установилась в науке со времен Соссюра и стала традиционной. Противопоставление языка – речи стало считаться многими учеными хорошим тоном в науке. Но соответствует ли этот «хороший тон» нормам строгого научного мышления, основанного на фактах в соответствии с логикой?

В.М. Солнцев подходит к разрешению этой проблемы без оглядки на традицию и авторитеты. Его мысль, ясная и прозрачная, основана на строго логических предпосылках, на совершенно несомненных и бесспорных фактах. Различая оба явления, т.е. язык и речь, он не только не противопоставляет их друг другу как принципиально противоположные, он подчеркивает, что они органически связаны между собой, что язык и речь по сути дела два аспекта одного и того же, а именно коммуникации: «сама речь – это язык в своем использовании, т.е. функционирование языка» (с.143).

Очень важна его следующая принципиальная формулировка: «Главная особенность *единиц речи* состоит в том, что они являются результатом сво-

бодного комбинирования единиц языка» (с.145). И далее: «Речь есть функционирование системы языка, есть реальное использование языка как средства общения. Отношение языка и речи, таким образом, есть отношение средства и его применения» (с.170). Яснее не скажешь.

Проблема эта, проблема соотношения языка и речи, по поводу которого было исписано не мало страниц, разрешается просто и единственно возможным логическим путем.

Переходя к проблеме слова, В.М. Солнцев, опять-таки остается верен себе, точнее – железной логике. Слово он вполне обоснованно считает важнейшей единицей языка и подчеркивает, что «слово обладает качеством синтаксической самостоятельности» (с.181), чем не обладает другая единица языка – морфема, не говоря уже о фонеме. «Морфема есть величина производная по отношению к слову. Это подтверждается не только тем, что морфемы выделяются лишь в результате анализа слова, но и историей языков» (с.181, прим.3). И далее: «слова по ряду признаков качественно отличны от морфем (в бодуэновском смысле), как целое отлично от части» (с.252). В противоположность слову, для морфемы характерна синтаксическая несамостоятельность (с.250).

Наконец, подходим к определению фонемы: «Фонема есть класс физически сходных и функционально тождественных звуков» (с.219).

Если слово и морфема имеют двустороннюю природу, с одной стороны конвенциональную звуковую, т.е. знаковую, а с другой – отражательную (значение слова понятийно, морфем – ассоциативно), фонема имеет одностороннюю природу, так как она не выражает самостоятельного значения и это ее свойство отличает ее от знака (с.271). Такковы три единицы языка, рассматриваемые многими с вполне материалистических позиций.

Таким образом, перед нами стройная, логически безупречно обоснованная материалистическая концепция языка – и в этом серьезнейшая заслуга В.М. Солнцева. Конечно, можно оспаривать ту или иную его точку зрения на разные частные вопросы, но вряд ли возможно полемизировать с его основными положениями, на которых зиждется разработанная им материалистическая концепция языка. Полемика по этим частным спорным вопросам не только не колеблет его основные положения, но, напротив, внесет ясность там, где ее еще нет, и тем самым поможет укрепить основные идеи концепции.

Книга В.М. Солнцева очень нужная и полезная для каждого лингвиста, так как, излагая свои взгляды и выводы, основанные на вполне конкретных данных (этими данными в значительной степени являются изолирующие языки народов Азии), автор подвергает пересмотру, переработке, а нередко и острой критике, положения, высказанные другими авторами. Иначе говоря, труд В.М. Солнцева представляет собой органическое и вместе с тем глубоко творческое продолжение научной разработки ряда кардинальных проблем

лингвистики, отечественной и зарубежной, это, несомненно, труд, в значительной степени синтезирующий достижения отечественного языкознания.

М. А. КУМАХОВ

ЧЕРКЕССКИЙ МАСДАР: ГРАММАТИКА И ТИПОЛОГИЯ

В черкесском (шире – западнокавказском) языкознании не разграничиваются масдар и инфинитив. В существующих описательных грамматиках масдар рассматривается как инфинитив, хотя между масдаром и инфинитивом имеются существенные грамматические различия, касающиеся их морфологических и синтаксических особенностей.

В настоящей статье черкесский масдар освещается на материале кабардинского (восточночеркесского) языка. Однако выводы автора применимы также к адыгейскому (западночеркесскому) языку¹.

Кабардинский масдар характеризуется именными и глагольными признаками. Из именных признаков для масдара характерны маркеры падежа, посессивности, союзности (1). Масдар, в отличие от инфинитива, не имеет категории лица.

- (1) Сэ *си-тхэ-н-в-ри* *сы-убл-а-щ*
я Пос1Ед-писать-Масд-Абс-Крд S1Ед-начинать-Перф1-Утв
'Я начал и писать (и свое писание)'

Масдар определяется прилагательным, что сближает его синтаксически с именем (2).

- (2) Уэ *уи-ды-н* *к/ыхьы-р* *бы-ух-а-щ*
ты Пос2Ед-шить-Масд длинный-Абс S2Ед-кончить-Перф1-Утв
'Ты закончил свое длинное (большое) шитье'

В ряде случаев от масдара образуется также именная форма числа с помощью суффикса -хэ (3).

- (3) Дэ *ди-еджэ-н-хэ-р* *ш/э-д-дзэжы-ну-щ*
мы Пос1Мн-читать-Масд-Мн-Абс Лок-S1Мн-возобновить-Фут2-Утв
'Мы возобновим наши чтения'

¹ В тексте употребляются следующие сокращения: Абс – абсолютный падеж (абсолютив); Адв – адвербиальный суффикс; Возв – возвратный; Ед – единственное число; Зав – завершённый; Имплф – имперфект; Инф – инфинитив; Инстр – инструментальный падеж; Интр – интранзитивный; К – ...свенный (объект); Крд – координация; Лок – локатив; Масд – масдар; Мн – множественное число; Нег – негативный; Обс – обстоятельственный падеж; Ор – ориентация; Перф – перфект; През – презент; Пос – посессивный; Рефл – рефлексивный; Тр – транзитивный; Утв – утвердительный; Фут – футурум; Эрг – эргативный падеж; S – субъект.

При транзитивном масдаре прямой объект может быть оформлен косвенным эргативным маркером *-м* (4а). В (4а) маркер *-м* в прямом объекте масдарной конструкции обусловлен посессивным показателем 3-го лица *и-*. В предложении (4а), в отличие от предложения (4б) с тем же транзитивным масдаром и в сочетании с тем же транзитивным главным предикатом, масдар оформлен абсолютивным маркером *-р*. Между тем для предложения (4б) не характерно оформление масдара абсолютивным маркером *-р*. Эти различия между (4а) и (4б) связаны с посессивностью прямого объекта.

(4) а. *Фэ тхылгы-м и-тхы-ны-р* *фы-ух-ф-иц*
 вы книга-Кэрг Пос3Ед-писать-Масд-Абс S2Мн-кончать-Перф1-Утв
 'Вы закончили писать книгу'

б. *Фэ тхылгы-р тхы-н-θ* *фы-ух-а-иц*
 вы книга-Абс писать-Масд-Абс S2Мн-кончать-Перф-Утв
 'Вы закончили писать книгу (написание книги)'

Именной член масдарной конструкции может быть оформлен также маркерами обстоятельственного (5а) и инструментального падежей (5б).

(5) а. *Гугьу-иц* *ныэ-у* *унэ* *иц/ы-ны-р*
 трудный.През-Утв камень-Обс дом делать-Масд-Абс
 'Трудно строить дом из камня'

б. *Тыни-иц* *кьуажэ-м* *машынэ-к/э* *к/уэ-ны-р*
 легкий През-Утв деревня-Кэрг машина-Инстр идти-Масд-Абс
 'Легко ехать в деревню на машине'

Если именные члены масдарной конструкции определяются прилагательным, то падежные маркеры отходят к последним.

(6) *Псы иц/ы/э-к/э* *зы-тхьэиц/ы-ны-р* *узыншагьэ-иц*
 вода холодный-Инстр Рефл-мыть-Масд-Абс здоровье-През-Утв
 'Полезно (для здоровья) умываться холодной водой'

Масдар, в отличие от инфинитива, не имеет категории лица. Среди вербальных признаков масдара следует отметить транзитивность/интранзитивность, возвратность, ориентацию, завершенность действия. Транзитивность/интранзитивность проявляется в том, что при транзитивном масдаре может быть только прямой объект в абсолютиве (7а), при интранзитивном масдаре – косвенный объект в эргативе (7б).

(7) а. *Фэ тхылгы-р тхы-н-θ* *фы-ух-а-иц*
 вы книга-Абс писать Тр-Масд-Абс S2Мн-кончать-Перф-Утв
 'Вы закончили писать книгу (написание книги)'

б. *Фэ тхылгы-м еджэ-ны-р* *фы-ух-а-иц*
 вы книга-Кэрг читать-Масд-Абс S2Мн-кончать-Перф1-Утв
 'Вы закончили читать книгу (чтение книги)'

В (7а) маркер абсолютива *-р* в прямом объекте *тхылгы-р* 'книга' определяется транзитивным масдаром *тхы-н*, как и маркер косвенного эргатива *-м* в

косвенном объекте *тхылъы-м* определяется интранзитивным масдаром *ед-жэ-ны-р*.

Маркеры ориентации, возвратности, завершенности действия сохраняют свои позиции, свойственные им в глаголе.

Масдар употребляется без посессивного префикса в позиции зависимого предиката, что делает действие неопределенным в смысле принадлежности конкретному грамматическому лицу вне контекста (8).

(8) а.	Сэ	дэ-н	сы-ух-а-щ
	я	шить-Масд	S1Ед-кончить-Перф1-Утв
		'Я кончил шить'	
б.	Сэ	си-дэ-н	сы-ух-а-щ
	я	Пос1Ед-шить-Масд	S1Ед-кончить-Перф1-Утв
		'Я кончил шить (=мое шитье)'	
в.	Сэ	дэ-ны-р	сы-ух-а-щ
	я	шить-Масд-Абс	S1Ед-кончить-Перф1-Утв
		'Я кончил шить'	
г.	Сэ	си-дэ-ны-р	сы-ух-а-щ
	я	Пос1Ед-шить-Масд-Абс	S1Ед-кончить-Перф1-Утв
		'Я кончил шить (=мое шитье)'	

В (8а) отсутствуют маркеры посессивности и падежа, хотя из текста известно, что действие принадлежит субъекту 1-го лица единственного числа, а отсутствие падежного маркера *-р* не имеет отношения к определенности/неопределенности действия. В (8б) масдар *сидэн*, хотя и включает посессивный префикс 1-го лица единственного числа, по своему значению предложение в целом синонимично предложению (8а). В (8в) при наличии падежного маркера *-р* в масдаре отсутствует посессивный префикс *си-* 'мой'. При этом, однако, сохраняется неопределенность действия, выраженного масдаром. В (8г) масдар оформлен маркерами падежа и посессивности, носящими в функциональном плане факультативный характер.

Масдар употребляется как в субъектной, так и в объектной позициях. В объектной позиции чаще всего масдар контролируется фазисными предикатами.

В субъектной позиции масдар встречается с эмотивными предикатами в значениях «обрадовать», «беспокоить», «пугать», «стеснять», «раздражать» и др. Эти предикаты образованы от нетранзитивных предикатов с помощью каузативного префикса *-гъэ-*. Поэтому вся группа предикатов относится к транзитивам. Масдар оформляется эргативным маркером, а прямой объект эмотивного предиката – абсолютным маркером. В случае, если масдар сопровождается определенным словом (адъективом), то эргативный маркер отходит к последнему (адъективу). Ср. (9) и (10).

- (9) [А-бы и-унэ щ/ы-ны-м] фызы-р
 он-Кэрг Пос3Ед-дом делать-Масд-Эрг женщина-Абс
 и-гъэ-гуф1-а-щ
 S3Ед-Кауз-радоваться-Перф1-Утв

‘Его строительство дома обрадовало женщину’

- (10) [Пищэ-м и-еджэ-н зэпымыу-м]
 девушка-Кэрг Пос3Ед-чтение-Масд постоянный-Эрг
 анэ-р и-гъэ-гузавэ-т
 мать-Абс S3Ед-Кауз-беспокоиться -Импф

‘Постоянное чтение девушки беспокоило мать’

В субъектной позиции обычно масдар и масдарная конструкция предшествуют эмотивному предикату и его объекту, как это имеет место в предложениях (9) и (10). Однако в значениях (9-10) может быть инверсионный (обратный) порядок слов с выдвижением влево эмотивного предиката и его объекта. Ср. (11) в значении (9).

- (11) Фызы-р и-гъэ-гуф1-а-щ [а-бы
 женщина-Абс S3Ед-Кауз-радоваться-Перф1-Утв он-Кэрг
 и-унэ щ/ы-ны-м]
 Пос3Ед-дом делать-Масд-Эрг

‘Его строительство дома обрадовало женщину’

В объектной позиции дистрибуция масдара и масдарной конструкции разнообразна: масдарная конструкция может быть начальной, медиальной (парентетической) и конечной (12-14).

- (12) Уи-тхыль еджэ-ны-р сабий-м псынци1э-у
 Пос2Ед-книга читать-Масд-Абс ребенок-Эрг быстрый-Адв
 и-ужэгу-т
 S3Ед-надоедать-Импф

‘Ребенку быстро надоедало твое чтение книги’

(т.е. ‘Твое чтение книги быстро надоедало ребенку’)

- (13) Сабий-м [уи-тхыль еджэ-ны-р] псынци1э-у
 ребенок-Эрг Пос2Ед-книга читать-Масд-Абс быстрый-Адв
 и-ужэгу-т
 S3Ед-надоедать-Импф

- (14) Сабий-м псынци1э-у [уи-тхыль еджэ-ны-р]
 ребенок-Эрг быстрый Пос2Ед-книга читать-Масд-Абс
 и-ужэгу-т
 S3Ед-надоедать-Импф

Варианты в (12-14) нормальны, хотя предпочтение может быть отдано вариантам (14) и (12).

Жесткий словопорядок характерен для членов масдарной конструкции, что видно из сравнения (15-16).

(15) *Тхаклуэ-м* [*и-тхыль* *те-дзэ-ны-р*]
 писатель-Эрг ПосЗЕд-книга Лок-печатать-Масд-Абс
и-ух-а-щ
 S3Ед-кончить-Перф1-Утв

‘Писатель закончил печатание своей книги’

(16) **Тхаклуэ-м* [*те-дзэ-ны-р* *и-тхыль*]
 писатель-Эрг Лок-печатать-Масд-Абс ПосЗЕд-книга
и-ух-а-щ
 S3Ед-кончать-Перф1-Утв

‘Писатель закончил печатание своей книги’

Препозиция масдара делает невозможным предложение (16), т.е. допустима только последовательность *и-тхыль* ‘его книга’ + масдар. Заметим, что в (15) посессивный маркер *и-* ‘его’ относится ко всей масдарной конструкции, а не только к его первому члену. Масдарная конструкция имеет значение «его книгопечатание».

(17) *Тхаклуэ-м и-тхыль те-джэ-ны-р и-ух-а-ш*
 ‘Писатель закончил свое книгопечатание’

Принадлежность посессивного маркера в (17) к обоим членам масдарной конструкции доказывается недопустимостью сочетания первого члена с падежным маркером. Сочетание первого члена с падежным маркером в принципе возможно, но оно разрушает масдарную конструкцию, т.е. переводит ее в другую синтаксическую (инфинитивную) структуру, что видно из предложения (18).

(18) *Тхаклуэ-м и-тхыльы-р те-дзэ-н*
 писатель-Эрг ПосЗЕд-книга-Абс Лок-печатать-Инф
и-ух-а-щ
 S3Ед-кончать-Перф1-Утв

‘Писатель закончил печатать свою книгу’

Между (17) и (18) имеются глубокие структурные различия: в первом случае дополнительное предложение выражено масдарной конструкцией, во втором – инфинитивной конструкцией. В (17) посессивный маркер *и-* относится к обоим членам дополнительной масдарной конструкции, в (18) – только к первому члену дополнительной инфинитивной конструкции. Кроме того, в (18) второй член может быть оформлен личным показателем, что невозможно в отношении второго члена в (17). Ср. (19-20).

(19) *Тхаклуэ-м и-тхыльы-р ты-ри-дзэ-н*
 писатель-Эрг ПосЗЕд-книга-Абс Лок-S3Ед-печатать-Инф
и-ух-а-щ
 S3Ед-кончать-Перф1-Утв

‘Писатель закончил печатать свою книгу’

- (20) *Тхакйуэ-м и-тхыль ты-ри-дзэ-ны-р
 писатель-Эрг ПосЗЕд-книга-Абс Лок-СЗЕд-печатать-Масд-Абс
 и-ух-а-щ
 СЗЕд-кончать-Перф1-Утв

‘Писатель закончил печатание своей книги’

(т.е. ‘Писатель закончил свое книгопечатание’)

Предложение (17) с масдарной конструкцией отличается от предложения (18) с инфинитивной конструкцией не только морфологически, но и синтаксически. В (17) недопустимо разделение членов масдарной конструкции наречием, что возможно в (18) для членов инфинитивной конструкции. Ср. (21-22).

- (21) Тхакйуэ-м и-тхыльы-р псыницлэ-у
 писатель-Эрг ПосЗЕд-книга-Абс быстрый-Адв
 те-дзэ-н и-ух-а-щ
 Лок-печатать-Инф СЗЕд-кончать-Перф1-Утв

‘Писатель быстро закончил печатать свою книгу’

- (22) *Тхакйуэ-м и-тхыль псыницлэ-у
 писатель-Эрг ПосЗЕд-книга быстрый-АдвАбс
 те-дзэ-ны-р и-ух-а-щ
 Лок-печатать-Масд- СЗЕд-кончать-Перф1-Утв

‘Писатель быстро закончил печатание своей книги’

(т.е. ‘Писатель быстро закончил свое книгопечатание’)

В (22) статус масдарной конструкции восстанавливается, если заменить наречие *псыницлэ-у* ‘быстро’ прилагательным (23).

- (23) Тхакйуэ-м и-тхыль те-дзэ-н кльхы-р
 писатель-Эрг ПосЗЕд-книга Лок-печатать-Масд длинный-Абс
 и-ух-а-щ
 СЗЕд-кончать-Перф1-Утв

‘Писатель закончил долгое печатание своей книги’

В (23) прилагательное *кльхы* ‘длинный’ является определением масдара. В этом случае посессивный маркер также, как и в (17), относится ко всей масдарной конструкции. Посессивный префикс может присоединиться к определению, если последнее занимает препозицию по отношению к именному члену масдарной конструкции (24).

- (24) Сэ си-нывэ унэ щлы-ны-р
 я Пос1Ед-камень дом делать-Масд-Абс
 сы-ублэ-жы-ну-щ
 С1Ед-начинать-Возв-Фут2-Утв

‘Я возобновлю строить мой каменный дом’

(т.е. ‘Я возобновлю строение моего каменного дома’)

Вместо (23) и (24) в соотносительных предложениях с инфинитивной конструкцией посессивный префикс синтаксически связан только с именем и относительным прилагательным, как это имеет место в (25).

- (25) Сэ *си-нывэ* унэ *с-щ/ы-н*
 я Пос1Ед-камень дом-Абс S1Ед-делать-Инф
сы-ублэ-жы-ну-щ
 S1Ед-начинать-Возв-Фут2-Утв

‘Я возобновлю строить мой каменный дом’

На масдарную конструкцию накладываются более жесткие синтаксические ограничения в том смысле, что сочетаемость масдара с адъективами более ограничена по сравнению с инфинитивом. Например, в предложении (25) инфинитивная конструкция может быть легко расширена другими адъективными членами, чего нельзя сказать о предложении (24) с масдарной конструкцией. Ср. предложения (26-27).

- (26) Сэ [*си-нывэ* унэ *дахэ* *щ/ык/у-и-т/ы-р*
 я Пос1Ед-камень дом красивый маленький-Крд-два-Абс
с-щ/ы-н] *сы-ублэ-жы-ну-щ*
 S1Ед-делать-Инф S1Ед-начинать-Возв-Фут2-Утв

‘Я возобновлю строить два моих красивых маленьких дома’

- (27) *Сэ [*си-нывэ* унэ *дахэ* *щ/ык/у-и-т/*
 я Пос1Ед-камень дом красивый маленький-Крд-два
щ/ы-ны-р] *сы-ублэ-жы-ну-щ*
 делать-Масд-Абс S1Ед-начинать-Возв-Фут2-Утв

‘Я возобновлю строение моих двух красивых маленьких домов’

Синтаксические различия между масдарной и инфинитивной конструкциями проявляются также в словопорядке. Выше показано (16), что препозиция масдара по отношению к именному члену невозможна. Подобные ограничения снимаются в предложении с инфинитивной конструкцией.

- (28) а. Уэ [*лы-р* *п-шхы-н*] *у-убл-а-щ*
 ты мясо-Абс S2Ед-есть-Инф S2Ед-начинать-Перф1-Утв
 б. Уэ [*п-шхы-н* *ны-р*] *у-убл-а-щ*
 ты S2Ед-есть-Инф мясо-Абс S2Ед-начинать-Перф1-Утв

‘Ты начал есть мясо’

- (29) а. Уэ [*лы шхы-ны-р*] *у-убл-а-щ*
 ты мясо есть-Масд-Абс S2Ед-начинать-Перф1-Утв
 б. *Уэ [*шхы-ны-р* *лы*] *у-убл-а-щ*
 ты есть-Масд-Абс мясо S2Ед-начинать-Перф1-Утв

‘Ты начал есть мясо’

Предложение (28) допускает разные варианты словопорядка инфинитивной конструкции: с препозицией именного члена (28а) и с препозицией инфинитива (28б). Предложение (29) допускает только препозицию именного члена (29а).

Наконец, говоря о масдарной и инфинитивной конструкциях, нельзя не отметить различия как в сочетаемости с главными предикатами, так и в употреблении в разных позициях – субъектной и объектной. Обладая событийной семантикой, что позволяет масдару выступить в позиции зависимого предиката, он обнаруживает сходство с явлением, которое обозначается терминами *action nominal* и *nominalization* в языках различных типов.

ЛИТЕРАТУРА

- Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М., Наука. 1989.
- Кумахов М., Вамлинг К. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. Лундский университет (Швеция) – Институт языкознания РАН, М., 1998.
- Kuvakhov M., Vamling K. Complement types in Kabardian // Working Papers. Lund University. 1993.

В.А. КУРДЮМОВ.

К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОСТИ И РЕФЕРЕНТНОСТИ

До настоящего времени бытует представление о том, что *предикативность* как особое свойство предложения может быть сведена к так называемой «отнесенности содержащегося в предложении высказывания к действительности, устанавливаемой и выражаемой говорящим» [Современный русский язык 1982, 259; Ахманова 1966, 346 и др.].

Первоосновой для подобных формулировок, неизменно повторяющихся в школьных и вузовских учебниках, послужило широко известное определение В.В.Виноградова: «...предикативность ...отнесенность содержания к реальной действительности, проявляющаяся в совокупности таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как основной и вместе с тем первичной грамматически организованной единицы, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль» [Виноградов 1981, 317]. Однако, выдвигая на первый план упомянутую отнесенность к действительности, В.В.Виноградов все же говорил и о законченности мысли, и о наборе признаков предложения как знаковой единицы, и о том, что имеется в виду *первичная* грамматически организованная единица. Очевидно, что авторы всех последующих «производных» определений пошли по пути упрощения.

Не будем подробно останавливаться на всем многообразии трактовок, в русле которых предикативность сводится к модальности, времени/наклоне-

нию, актуальному членению и т.д. Любой языковой знак соотносим с действительностью [Солнцев 1977а], и приписывать такое свойство (*референтность*) исключительно предложению и, более того, делать его основополагающим для данной языковой единицы, некорректно. Очевидно, что если исследователь непременно желает связать предикативность как глобальное свойство предложения и референтность, то ему следует идти по пути выявления особых черт «реальностного» плана предложения как особого языкового знака, на что неоднократно указывал В.М. Солнцев [1977а; 1976].

В 1993–1994 гг. нами было предложено определение предикативности, которое мы полагаем исчерпывающим и которого придерживаемся до сих пор: *предикативность есть лингвистическая категория, выражающая конвенциональное отношение (соответствия) между набором формально необходимых признаков предложения как знаковой единицы и его коммуникативной автономностью в потоке речи (как высказывания)* [Курдюмов 1994].

Однако вопрос о специфическом характере референтности предложения периодически возникает вновь, и мы полагаем необходимым расставить все точки над *i*.

Рассмотрим следующее утверждение: «Семантика ёгена изоморфна семантике предложения» [Гордей 1998, 97]. Под *ёгеном* в противовес *тайгену* подразумевается некий исходный лексический предикат, т.е. слово, значение которого вне зависимости от частеречной реализации представляет собой признак, процесс, характеристику, действие и т.д. (Термины заимствованы автором из японской грамматики Кнеды; *тайген* – соответственно слово, вне зависимости от частеречной реализации передающее именной смысл. А.Н.Гордей считает *тайген* и *ёген* частями речи, что спорно.)

На самом деле идея такого изоморфизма не нова: в ряде случаев понятия *предложение*, *предикат* и *пропозиция* справедливо будут считаться либо абсолютными, либо функциональными синонимами [Степанов 1981].

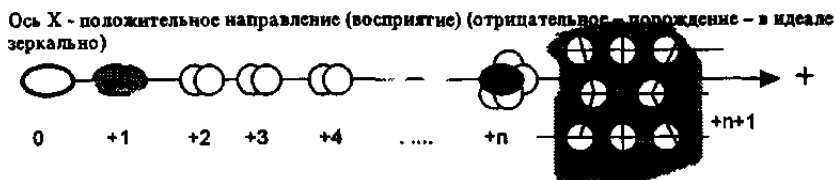
Кроме того, базовое деление слов по смыслу на исходные предикаты и исходные имена вполне обоснованно. Впрочем, его истоки следует искать несколько глубже: в ряде исследований показано, что семантика так называемого *тайгена* (имени, субъекта, референта — в разных терминологических системах) в первую очередь *референтна*, или денотативна (существует конкретный визуально представимый предмет, который имя называет) и только потом *сигнификативна* (предмет может быть описан как понятие), семантика же так называемого *ёгена* (предиката) только *сигнификативна* (процесс, действие, признак есть только понятие) [Арутюнова 1976; Попов, Трегубович 1984]. Проще говоря, различие между

реально существующими тайгенами и ёгенами есть, в сущности, различие между денотатами и сигнификатами.

Тогда справедливо ли процитированное утверждение, что семантика предложения эквивалентна семантике чистого сигнификата?

Одним из базовых концептов в используемой нами понятийной системе является так называемая *предикационная цепь* [Курдюмов 1997] (см. схему ниже) — зеркальная последовательность взаимопереходящих структур, которые являются продуктом порождения/восприятия на разных уровнях глубинности/поверхностности. Порождению соответствует отрицательное, а восприятию — положительное направление. Нулем отсчета и центром системы координат является «мертвое» предложение как чистый («еще-не-означенный/уже-не-означенный») материальный объект (знак) [Солнцев 19776]. Предикационная цепь реализуется прежде всего на уровне предложения и проецируется на все нижележащие (словосочетание, слово, морфема) и вышележащие (сложное предложение, СФЕ, текст, супертекст, индивидуальное говорение, интер-говорение) уровни.

Схема. Предикационная цепь

0 = предложение (мертвый материальный объект); +1 = образ предложения; +2 = 1-я («поверхностная» структура); +3, +4... = трансформируемые бинарные структуры; +n = теньеровская полиактантная структура; +n+1 = «от-визуальный» образ ситуации.

Сущность процесса предикации может быть описана следующим образом: предложение существует в виде «сотрясения воздуха» (или «каракулей») — знака (0), знак «означивается»: отражается (± 1) и осознается/«разгадывается» путем построения в сознании серии бинарных структур ($\pm 2 \dots \pm n$). На определенном этапе ($\pm n \pm 1$) чисто языковая предикация прерывается: бинарная структура переходит в теньеровскую полиактантную, которая, будучи неустойчивой и «полу-языковой» (в норме речевые произведения «теньеровского» типа недопустимы), стремится превратиться в чисто визуальную, представимую, когнитивную, хранимую в знании — в так называемый *образ ситуации* ($\pm n \pm 2$).

Вернемся к вопросу об изоморфности. Безусловно, предложению и предикату на определенных этапах цепи формально может быть приписана одинаковая структура, разница будет заключаться только в заполнении/незаполнении актантных позиций. Однако, если говорить именно о референциальном аспекте семантики, то в отличие от чистого *егена* (сигнификата) *ситуация, описываемая предложением, визуально представима*. Предложение формирует в сознании целостный образ (картинку) реальной ситуации. На этот принципиальный признак предложения или, в другой формулировке, акта предикации, указывали многие исследователи [Леонтьев 1997; Мельников 1994].

Итак, если рассматривать признаки сходства/отличия предложения и его функциональных составляющих [субъект (актант) и предикат, или, если угодно, тайген и ёген – что в данном контексте одно и то же] по отношению к референции, то они могут быть сформулированы следующим образом:

- * предложение отличается от субъекта/актанта/имени/тайгена тем, что *по форме* оно предикативно, а не номинативно;

- * предложение отличается от предиката/ёгена тем, что оно и сигнификативно, и денотативно, в то время как чистый предикат только сигнификативен;

- * предложение подобно имени тем, что описываемая им референциальная ситуация в качестве неотъемлемого компонента содержит связанный («опредикаченный») денотат – в конечном счете, по достижении визуального образа ситуации предложение есть «улучшенный», «уточненный» денотат, «улучшенное», «уточненное» имя;

- * предложение подобно предикату тем, что последний представляет собой неотъемлемый (связанный, «наполненный») компонент референциальной семантики предложения.

Значимость и баланс противопоставления денотат–сигнификат в семантике предложения могут меняться на разных этапах цепи. Некоторые участки будут максимально сигнификативными [топиковые структуры, подлежащие дальнейшему, пока еще языковому переходу ($\pm 1 \dots \pm n$)], некоторые, наоборот, максимально денотативными (а-сигнификативными) ($\pm n \pm 2$). В этом ряду оптимально сбалансированной, по-видимому, является теңьеровская полиактантная структура.

Вышеизложенное можно сформулировать в более привычном виде: *предложение есть предикат по форме исполнения и номинатив по окончательному смыслу*.

Иными словами, референтность предложения есть отдельное системообразующее свойство, безусловно коррелирующее с предикативностью (в потоке речи конвенционально выделяется коммуникативно автономный отрезок, соотносимый с выделением фрагмента ситуации). И говорящий, и слушающий имеют возможность именно на этом отрезке верифицировать

соответствие сказанного и реального. По отношению к референтности описываемых объектов, представленных именами, становление предложения есть становление их уточненных и увязанных в систему образов, равно как и по отношению к конкретной ситуации предложение посредством теоретически неограниченных бинарных трансформаций есть средство становления ее целостной картины, включенной, в свою очередь, в общую картину мира коммуниканта. Постулированная нормой языка и устанавливаемая говорящими предикативность является сигналом о завершении первичного осознанного членения, именно в этом смысле изоморфного как для речи, так и для описываемой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Виноградов В.В.* Основные вопросы синтаксиса предложения // *Березин Ф.М.* История советского языкознания. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1981.
- Гордей А.Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск: Белгосуниверситет, 1998.
- Курдюмов В.А.* Китайский язык и идеальный объект языкознания // Изучение китайского языка. Т.2. М.: «Муравей», 1997.
- Курдюмов В.А.* Предикативность как лингвистическая категория и сложное отношение // Сборник статей. М.: ВАЭФП 1994, № 28.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: «Смысл» 1997.
- Мельников Г.П.* Судьба Гумбольдтова понятия «внутренней формы» в российском языкознании // Collegium. Киев 1994, № 1.
- Попов Ю.В., Трегубович Т.П.* Текст: структура и семантика. Минск: Высшая школа, 1984.
- Современный русский литературный язык. М.: Высшая школа, 1982.
- Солнцев В.М.* Относительно концепции «глубинной структуры» // ВЯ 1976. № 5.
- Солнцев В.М._а* Язык как системно-структурное образование. М: Наука, 1977.
- Солнцев В.М._б* Языковой знак и его свойства // ВЯ 1977, № 2.
- Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). М.: Изд-во МГУ, 1981.

ВВЕДЕНИЕ В ИНЬ-ЯН-ГРАММАТИКУ

I. КОНЦЕПЦИЯ ИНЬ-ЯН

§1.1. Предварительные замечания

Под *Инь-ян-грамматикой* (далее *ИЯ-Гр.*) понимается грамматика, которая изучает естественный человеческий язык, управляемый силами, заложенными в нем природой, или, говоря словами Ф. де Соссюра, силами, постоянно и всеобщее действующими во всех языках, и теми общими законами, к которым можно свести отдельные исторические явления [Соссюр 1933, 33].

Этими движущими силами являются, по нашему убеждению, два природных начала *инь* и *ян*, вокруг которых вращаются такие концепты, как *бог, дух, судьба, движение, мысль, культура, язык* и многие другие. Концепты *инь* и *ян* изложены в древнекитайской философской «Книге Перемен» («И цзин»)¹.

Примечания.

(1) По трактовке вьетнамского философа Фан Бой Тяу, в семантический состав *И цзин* входят три компонента: а) непеременимость, что означает постоянность, устойчивость: Небо – наверху, Земля – внизу, вода – течет, огонь – излучает и т.п.; б) обмен, что означает сочетаемость: вещи сочетаются и порождают другие вещи; от непеременимости получается инвариантность, от обмена – вариантность; в) превращение: одна вещь может превратиться в другую вещь; вода (жидкость) превращается в лед (твердое тело); шелковичный червь (пресмыкающееся насекомое) превращается в бабочку (летающее насекомое). Значения б) и в), вместе взятые, и есть перемена, составляющая сущность «Книги Перемен» [Фан Бой Тяу 1969, 17–19].

(2) «И цзин» имеет другое название, ему синонимичное: «Чжоу и». Это философское произведение, стоящее во главе как «Тринадцатиконония» («Ши сань цзин»), так и «Пятиконония» («У цзин»). *Чжоу и* можно понять по крайней мере двояко: 1) имя династии, правившей в Китае с конца 2-го тыс. до н.э. до середины III в. до н.э., и хронологичное обозначение данной эпохи; 2) всеохватно-круговые перемены [КФ 1994, 458].

В нашей работе использовано главным образом второе значение *Чжоу и*.

¹ «Книга Перемен» – одна из древнейших книг в мире. По свидетельству русского китаеведа Ю. К. Шуцкого, она была широко распространена уже в VIII–VII вв. до н.э., создание же ее началось значительно раньше. «Книга Перемен» продолжает оказывать огромное влияние на самые различные области философии, литературы, политики, стратегии и различные виды искусства [Шуцкий 1993, 4].

§1.2. Трактовка концепции *инь-ян*

§1.2.1. Великий Предел

Трактовка понятий *инь* и *ян*² связана с общефилософским представлением о мире, которое в общих чертах можно свести к следующему.

Мир постоянно движется и, двигаясь, изменяется. В изначальной форме мир представлялся как *Беспредельное*³, в котором в хаосе движется бесчисленное множество *хи* (энергочастицы). Потом, со временем, из бесконечных *хи* образовались два начала, которые называются *ини* (энерготипы), тем самым *Беспредельное* превратилось в *Великий Предел*. Эти *ини* и есть *инь* и *ян*⁴. Таким образом, Великий Предел есть единство *инь* и *ян*.

§1.2.2. *Инь, ян*

Ян – светлое и легкое – поднимается вверх и становится *Небом*. Это Путь Неба. *Инь* – темное и тяжелое – опускается вниз и становится *Землей*. Это Путь Земли. Небо и Земля сочетаются друг с другом и порождают *Человека*. Это Путь Человека. Образное представление процесса порождения *инь* и *ян* см. на рис. 1.

Рис. 1.

Комментарий № 1 к рис. 1. На рисунке круг представляет собой *Беспредельное*, которое с рождением *инь* и *ян* превратилось в *Великий Предел*. Темное изображение – *инь*, светлое изображение – *ян*. Темное, светлое – только символично. Поня-

² Для удобства изложения и восприятия мы предлагаем использовать следующую систему терминов, связанных с моей концепцией: *инь*, *ян* – существительные. От них образуются прилагательные: *иневый*, *яновый* и *иньяновый*. А существительные *инизация* и *янизация* и соответственно глаголы *инизировать* и *янизировать* обозначают процессы превращения в *инь* или в *ян*.

³ Понятие *Беспредельное* встречается и в древнеиндийской философии, но в ином звучании. Обратимся к Космогоническому гимну из Ригведы: «Тогда не было ни сущего, ни несущего;/ Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним./ Что в движении было? Где? Под чьим покровом?/ Чем были воды, непроницаемые, глубокие?/ Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было / Различия между ночью и днем./ Без дуновения само собою дышало Единое, / И ничего, кроме него, не было» [Лукиянов 1992, 90].

⁴ «Этимологические значения *инь* и *ян* – теневой и солнечный склоны холма или берега реки» [КФ 1994, 138].

тия *инь* и *ян*, правда, имеют очень широкий диапазон конкретных проявлений, составляющих контрастные пары. Ср.: темное–светлое, земля–небо, луна–солнце, ночь–день, тьма–свет, женское–мужское, статика–динамика, податливость–напряжение, зло–добро, четное–нечетное, холодное–горячее, тело–душа, смерть–жизнь и др. В этих парах первые элементы принадлежат к *инь*, вторые соответственно – к *ян*⁵.

Инь и *ян* присутствуют везде, действуют во всех структурах, как материальных, так и духовных, в макромирах – таких, как вселенная, и в микромирах – таких, как атом. Человек как дитя Неба и Земли воплощает *иневую* силу в своем мозгу (мозг холодный) и *яновую* силу в своем сердце (сердце горячее).

Что касается языка, который представляет собой явление и материальной (звук, ударение, интонация, в общем его акустико-физиологическая сторона), и духовной сущности (понятие, смысл, значение, культурный компонент), то в нем *инь–ян* проявляются в таких оппозициях, как, например, язык–речь, номинация–коммуникация, значение–манifestация, состояние–движение, существительное–глагол и т.п.

§1.2.3. Законы *инь* и *ян*

§1.2.3.1. Закон взаимопроникновения (В *инь* есть *ян*, в *ян* есть *инь*)

Согласно данному закону, *инь* и *ян* взаимопроникают друг в друга. В *инь* есть *ян*, в *ян* есть *инь*. Эта истина явно отражена на рис. 1.

Комментарий № 2 к рис. 1. Маленькая светлая точка в темном изображении обозначает *ян* в *инь*, а маленькая черная точка в светлой фигуре обозначает *инь* в *ян*.

В лингвистике известны сосюровские термины «речевая деятельность» – «язык» – речь».

Мы понимаем речевую деятельность как *Великий Предел*, который порождает язык (*инь*) и речь (*ян*). Один – исток другого. В чреве языка уже существует зародыш речи, и наоборот, в речи как ее основа лежит язык.

Согласно представленному нами закону взаимного проникновения элементов, языковые (речевые) явления закономерно проникают друг в друга,

⁵ Для описания моделей мира славян в древнем периоде истории Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров использовали следующие семантические оппозиции: белый–черный, бессмертие–смерть, близкий–далекий, вареный–сырой, вертикальный–горизонтальный, верх–низ, весна (лето)–зима, видимый–невидимый, восток–запад, главный–неглавный, день–ночь, доля–недоля, дом–лес, жизнь–смерть, земля–вода, красный (пурпуровый)–черный, мужской–женский, небо–земля, огонь–влага, правый–левый, светлый–темный, солнце–месяц (тьма) и др. [Роль... 1988, 15].

взаимно действуя и взаимно обуславливая, составляя сложное единство, направленное на выполнение коммуникативного задания. Например, функционально-семантическая категория определенности–неопределенности проникает в категорию качественной характеристики: *Это было дивной красоты растение, издававшее некий сказочный аромат*, в категорию количественной характеристики: *Я вчера познакомился с одной девушкой* (с акцентным выделением последнего слова), в категорию персональности: *Нет, меня ждут, спасибо* (Ю. Казаков). Категория экзистенциональности проникает в категорию посессивности: *У меня есть книга*, в категорию аспектуальности: *Этот фильм я уже смотрел*, в категорию состояния: *На станции было безлюдно* (К. Паустовский) и т. д.

Русский глагол *стоять* воспринимается нами и как глагол состояния (*инь*) и как глагол движения (*ян*). В толковом словаре русского языка Ожегова зафиксировано 11 значений глагола *стоять*, и все они разные реализации общего значения состояния. Не зафиксировано значение типа «стой, стреляю!» как команда бегущему, что означает «остановись!» (*движение*).

На уровне морфологии в системе падежей русского языка наблюдаются такие случаи проникновения падежных смыслов друг в друга: в творительном падеже определительное (по временному состоянию) значение проникает в значение субъектное – *Секретаршей* много не заработаешь; *Партизаном* он узнал лес по-настоящему; объектное значение проникает в определительное значение – тереть *логтем*, добиваться *настойчивостью*; субъектное значение проникает в значение орудийное – *Молнией* сожгло сарай. В винительном падеже возможно проникновение объектного значения в обстоятельственное (временное) значение – ждать *весну*. Ср.: *Такую весну я ждал уже три года* (объектное значение); *Я ждал ее всю весну* (время).

§1.2.3.2. Закон взаимопревращения

Согласно данному закону *ян* может превратиться в *инь*, когда его движение достигает максимального предела, и наоборот, *инь* превращается в *ян*, достигнув максимального предела покоя.

Так, человек умрет, достигнув предела своего возраста. Вода (*инь*) при определенной температуре превращается в пар (*ян*), который в свою очередь может в определенных условиях превратиться в воду.

Это происходит в силу непрерывного разрастания потенциального (маленького) *ян* в текущей (большой) *инь*, потенциальной *инь* в текущем *ян*. Таким образом, закон взаимопревращения *инь* и *ян* делает мир (человека, вещь) одновременно и им, и не им, что представляет собой истинную сущность *инь-яновой* концепции.

В качестве применимости данного закона к языку можно привести такую единицу, как *слово*, которое по традиции определяется как номинативная

(языковая) единица в отличие от *предложения*, считающегося коммуникативной (речевой) единицей. Однако, по нашему мнению, слово и номинативно (*иньво*), и коммуникативно (*яново*), оно в любой момент может превратиться в предложение благодаря своему *иньяновому* составу (конечно, для этого требуются определенные условия).

§ 1.2.3.3. Закон гармоничности сочетания *инь* и *ян*

Вещь остается собой лишь тогда, когда в ней *инь* и *ян* сочетаются друг с другом гармонично. Под гармоничным сочетанием понимается такое единство *инь* и *ян*, которое не нарушает нормального существования вещи.

Идея гармонии требует некоторого разъяснения.

Во-первых, гармония воспринимается как исторически сложившийся фактор человеческой речи, который обеспечивает последнюю возможностью быть собой. К примеру, можно привести вьетнамскую речь, которая характеризуется системой из шести тональностей, находящихся между собой в оппозиции ровности (*инь*)—неровности (*ян*). Если ликвидировать одну из них или добавить хоть одну (седьмую) тональность, то нарушилась бы гармония тонов, и вьетнамская речь перестала бы быть вьетнамской. Русское слово характеризуется ударением, которое является результатом гармоничного сочетания длины (*инь*) и силы (*ян*) гласного, с одной стороны, и безударности (*инь*) и ударности (*ян*) гласных в пределах слова – с другой. Если бы эти условия не были обеспечены, то русское ударение перестало бы быть русским. В области грамматики наблюдается гармония падежных окончаний: *эта моя новая хорошая книга – эту мою новую хорошую книгу – этой моей новой хорошей книгой* и т.д.

Во-вторых, сама идея гармонии (*инь*) предполагает идею негармонии, или антигармонии (*ян*), составляя с последней *Великий Предел*. Это означает, что гармония подводит языковые явления под правила, а антигармония, наоборот, нарушает эти правила, тем самым создавая новые правила. Когда мы утверждаем, что в высказывании, как правило, должна быть гармония сочетания двух рядов: первый ряд – субъект (семантическое), подлежащее (синтаксическое) и тема (функциональное); второй ряд – предикат (семантическое), сказуемое (синтаксическое) и рема (функциональное), то мы понимаем, что это правило не всегда соблюдается. Это случается, когда изменяется коммуникативное задание, что приводит к созданию другого правила. Ср.: *мать пришла* и *пришла мать*.

Таким образом, развитие и функционирование языка строится на идее гармонии, которую можно сформулировать так: гармония → антигармония → гармония.

Пять первоэлементов

Как было сказано выше, *Великий Предел* порождает *инь* и *ян*. Последние, взаимодействуя друг с другом, порождают пять первоэлементов: *металл, дерево, вода, огонь, земля*. Названия этих первоэлементов совершенно условны. Нас интересуют лишь их свойства и отношения.

Как отмечено в энциклопедическом словаре китайской философии, китайские слова *У Син* имеют значение «Пять элементов» («пять стихий», правильное – «пять действий», «пять фаз» или «пять рядов»). «Одна из основополагающих категорий китайской философии, обозначающая универсальную классификационную схему, согласно которой все основные параметры мироздания – пространственно-временные и двигательно-эволюционные – имеют пятичленную структуру» [КФ 1994, 338–339]. Это не первосубстанции космоса, как «первоэлементы» древнегреческой философии. Их сущность не субстанциальная, а функциональная.

Интересно отметить, что с пятерницей как структурно-функциональной моделью мира (Природы, Человека) связаны такие классификационные схемы, как пять органов человеческих чувств: осязание, вкус, слух, обоняние, зрение; на руке пять пальцев, каждый из которых представляет один первоэлемент: большой палец – металл (Венера), мизинец – вода (Меркурий), безымянный – огонь (Марс), средний – земля (Сатурн), указательный – дерево (Юпитер); пять плотных органов в человеческом организме (по определению восточной медицины): легкие, сердце, селезенка-поджелудочная, печень, почки; пять сторон света: восток, запад, север, юг и центр; пять совершенных геометрических фигур (по Платону): пирамида, куб, октаэдр, эйкозаэдр, додекаэдр; пять измерений любого объемного тела: точка, линия, поверхность (плоскость), осязаемое тело, движение, помешающее душу внутрь тела; пять живых существ (по Плутарху): боги, демоны, герои, люди, неразумные животные; пять способностей, отличающих одушевленного от неодушевленного: способность питания, чувственная, способность желать, гневаться, способность разума. По свидетельству А.Е. Лукьянова, пятерница проникает в такие важные области системы Платона, как количество начал и виды блага. Пять начал: сущее, тождество, различие, движение и неподвижность. А благо проявляется также в пяти видах: умеренность, соразмерность, ум, знания о душе и наслаждение без примеси печали [Лукьянов 1992, 46–47].

В области языкознания тоже наблюдается пятерница в классификациях некоторых языковых явлений. Например, в русском языке пять основных типов интонаций; пять основных знаменательных частей речи (существительное, глагол, прилагательное, наречие и числительное); пять первичных предикативных основ простых предложений; пять сфер объективной действительности.

сти: физическая, физиологическая, эмоционально-психическая, интеллектуальная и социальная [Клобуков 1986] и т.д.

Можно согласиться с утверждением А.Е. Лукьянова о том, что «пятичастное структурно-функциональное оформление всего бытия и сознания древних греков, каким его показывает в своем диалоге Плутарх, не может быть актом случайного волеизъявления или субъективной симпатии мыслителя к пятернице. По всей вероятности, здесь на поверхность выходит глубинный пятичастный мировоззренческий принцип, восходящий в аполлоновской космической сущности к далекой предфилософии, что позволяет говорить о сходных чертах формирования западной и восточной философии» (Лукьянов 1992, 47).

В нашей работе эти элементы представлены как символы пяти типов *движений*: огонь стремится вверх, вода течет вниз и т.д. Отношения (соотношения) между ними своеобразны. Возьмем, например, первоэлемент «вода». Она обладает двумя свойственными ей способностями. С одной стороны, она оживляет дерево. В этом случае мы говорим: вода *порождает* дерево. С другой стороны, она тушит огонь. Мы говорим: вода *противостоит* огню. Так же можно рассуждать и о других первоэлементах. Таким образом, получаются два типа отношений между ними: *порождение* и *противостояние* (или *преодоление*).

Так, русские глаголы делятся на две группы: глаголы состояния (*иневые* глаголы, или И-глаголы) и глаголы движения (*яновые* глаголы, или Я-глаголы). Мы говорим: глаголы движения, а не глаголы действия, так как любой глагол выражает действие. Это первое противостояние имеет свое последствие в системе падежей. Оно порождает противостояние между местным (предложным) падежом и дирекционным (винительным, направленческим) падежом. Действительно, И-глаголы, например, *лежать, стоять, висеть* и др., могут употребляться только с предложным места. Ср.: Книга *лежит* на столе; Ваза *стоит* на окне; Пальто *висит* в шкафу. А Я-глаголы, например, *класть-положить, ставить-поставить, вешать-повесить* и др., употребляются только с винительным направления. Ср.: Иван *положил* книгу на стол; Иван *поставил* вазу на окно; Иван *повесил* пальто в шкаф.

Кроме того, группа Я-глаголов, согласно закону взаимопроникновения элементов, в свою очередь, делится на две подгруппы: а) подгруппа Я-глаголов, обозначающих движение вверх, ср. *поднимать-поднять* (*поднимать* чемодан), *подниматься-подняться* (*подниматься* на гору), *восходить-взойти* (солнце *восходит*) и др.; б) подгруппа И-глаголов, обозначающих движение вниз (антидвижение), ср. *опускать-опустить* (*опускать* флаг), *опускаться-опуститься* (*опуститься* на стул) и др.

§1.4. Четыре образа

Взаимодействие *инь* и *ян* порождает четыре образа: Великий Ян (образ Неба = *ян* + *ян*), Великая Инь (образ Земли = *инь* + *инь*), Младший Ян (образ души = *инь* + *ян*), Младшая Инь (образ тела = *ян* + *инь*) [Фан Бой Тяу 1969, 23]. Если переведем язык «Книги Перемен» на современный лингвистический язык, то получится, что это образы мира, или картины мира. Великий Ян и Великая Инь в сущности есть образы (картины) внешнего мира (природы), где *ян* и *инь* движутся в объективном пространстве и в объективном времени. Младший Ян и Младшая Инь есть образ человека в единстве тела и души. Отсюда практический (а может и теоретический) вывод, что человек – сын Неба и Земли, т. е. часть природы, которая должна подчиняться законам природы. А язык – часть человека и должен изучаться не только как средство общения между людьми, но и как способ отражения различных картин мира.

§1.5. Триграмма и гексаграмма

§1.5.1. Триграмма

Символически *ян* обозначается целой чертой —, а *инь* – прерванной — —. Черты эти истолковываются как знаки универсальных мироустроительных сил *Инь*, *Ян*. Триграмма (по-китайски *гуа*) составляется из трех таких черт, располагающихся друг над другом, в результате получается восемь возможных комбинаций.

Каждая триграмма наделена определенными значениями. Так, 1-я триграмма – творчество, крепость, небо, отец; 2-я триграмма – исполнение, самоотдача, земля, мать; 3-я триграмма – разрешение, радость, водоем, третья дочь; 4-я триграмма – сцепление, ясность, огонь, вторая дочь; 5-я триграмма – возбуждение, подвижность, гром, первый сын; 6-я триграмма – утончение, проникновенность, ветер, первая дочь; 7-я триграмма – погружение, опасность, вода, второй сын; 8-я триграмма – пребывание, незыблемость, гора, третий сын [КФ 1994].

Языкознание знает немало случаев классификации языковых явлений по принципу триграммы, или триединности. Заметим, что в русской грамматике проявляют себя такие триграммы, как три рода у существительных, три лица, три времени, три склонения, три залога у глаголов и т.п. (об этом см. ниже).

По типам триграмм можно классифицировать сферы действия падежных семантических смыслов. Их восемь: 1) субъект, 2) предикат, 3) объект, 4) состояние, 5) деятельность, 6) характеристика, 7) пространство, 8) время.

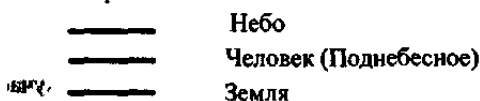
§ 1.5.2. Гексаграмма

Далее, если мы поместим одну триграмму над другой, то получим всего 64 ($8 \times 8 = 64$) возможные комбинации, которые в «Книге Перемен» называются гексаграммами.

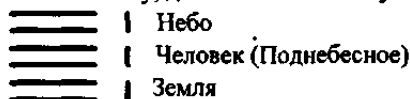
С общеметодологической точки зрения, триграмма, гексаграмма представляют собой оригинальную абстрактную всеобъемлющую иерархию классификационных схем, которая «охватывает любые аспекты действительности – части пространства, отрезки времени, природные стихии, числа, цвета, органы тела, социальные и семейные отношения и т.д., позволяя описывать всевозможные ситуации и процессы, фиксировать реальные или умозрительные соответствия между ними и т.п.» [КФ 1994, 76]⁶.

Мы в своей работе будем пользоваться главным образом идеей и методом создания триграммы и гексаграммы применительно к грамматике.

В триграмме и гексаграмме воплощается идея единства Природы (в образе Неба и Земли) и Человека⁷, причем Человек всегда в центре, т.е. занимает центральную позицию. Ср.

А в случае гексаграммы (из шести черт) две нижние черты относятся к Земле, две срединные – к Человеку, две высшие – к Небу. Ср.

Таким образом, «Книга Перемен» подсказывает нам модель описания языка вообще и его грамматики в частности, согласно которой язык (или грамматика) как объект исследования должен изучаться в трех измерениях,

⁶ Немецкий философ и математик Лейбниц (1647–1716), по свидетельству вьетнамского историка Нгуен Хиен Ле, создав двоичную систему чисел, обнаружил магическое совпадение его системы и системы гексаграмм. Последовательная смена черт гексаграмм подчинена той же закономерности, что и смена знаков 1 и 0 в обозначении натурального ряда чисел в двоичной арифметике [Нгуен Хиен Ле 1994, 76–77]. Лейбниц «истолковал это подобие как свидетельство предустановленной гармонии и единства Божьего помысла для всех времен и народов» [КФ 1994, 74].

⁷ Интересно отметить по этому поводу справедливое утверждение русского востоковеда А.Е. Лукьянова о том, что «Тождество человека и природы в родовом мировоззрении древних китайцев и индийцев выражается в триедином духовно-телесном тождестве человека, первопредка и природы. Первопредок мировоззренчески соединяет в себе хтоническую и антропоморфную сущность и одновременно сам обобщается со всей природой, со всем родом, с каждой отдельной вещью и каждым человеческим индивидом. Это тождество можно назвать субстанциально-генетическим, поскольку в таком мировоззрении круговороты природно-родовых изменений мыслятся по принципу порождения всех явлений от первопредка» [Лукьянов 1992, 17].

что представляет собой сущность объемного подхода, ядром которого является антропоморфизм, понимаемый как утверждение решающей роли человека в языковом творении. (Кстати, в русском языке шесть падежей – явление случайное или предопределенное?). По этой модели будут рассмотрены такие лингвистические аспекты, как система, функция и прагматика. Ср.:

Небо → прагматика
Человек → функция
Земля → система

Поскольку каждый аспект представляет собой единство *инь* и *ян*, мы будем рассматривать его, с одной стороны, и с позиции покоя (статике), и с позиции движения (динамики), с другой стороны, во всех названных аспектах будет выделен компонент Человека, как создателя языковой картины мира.

II. ГРАММАТИКА

§2.1. Грамматика языка как *Великий Предел*

Идея *Великого Предела* предполагает две проблемы:

а) единство двух противоположных начал, в нашем случае – единство *инь* и *ян*, отсюда принцип *двуединности* (или *двуединства*);

б) этому единству присуща иерархическая (многоэтажная) организация структуры вещей, отсюда принцип *иерархичности*.

Поясним эти принципы в названной последовательности.

Как известно, лингвистика предложила две теоретические модели построения языка: дихотомия (двуединность), т.е. деление объекта на два компонента, и трихотомия (триединность), т.е. деление объекта на три компонента.

Первая модель отражает философское представление о двучленной оппозиции Дух Зло – Дух Добро, вторая модель – трехчленная оппозиция в виде Троицы: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.

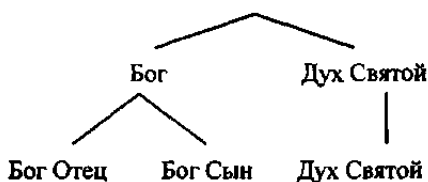
Сказанное можно изобразить в следующей схеме:

В.В. Морковкин и А.В. Морковкина предложили рассмотреть модели тройки сущности ментально-лингвального комплекса как представленные «тремя ипостасями: мышлением, сознанием и языком» [Морковкин, Морковкина 1994, 64]. Далее эти авторы, вслед за В.С. Соловьевым, считают триединство «общим принципом, определяющим всякое действительное бытие» [там же, 64]. По их мнению, триединность в

ипостасной интерпретации с точки зрения современной науки представляет несомненную методологическую ценность.

Это, конечно, справедливо. Однако, на наш взгляд, триединство является лишь разновидностью общемировоззренческой концепции двуединости, так как Дух Святой – это не Бог, он не может стоять в одном ряду (или наравне) с Богом. Тут явствует духовная иерархия, представленная несколькими уровнями оппозиций: сначала оппозиция Бог – Дух Святой, потом оппозиция Бог Отец – Бог Сын. Теперь схема триединности трансформируется в схему:

Таким образом, три ипостаси – мышление, сознание и язык – должны расположиться на разных уровнях ментально-лингвальной иерархии:

Итак, любое триединство (три ипостаси) можно (и нужно) свести к модели двуединости, согласно которой мир (или любой объект) представляет собой единство двух начал: *инь* и *ян*.

Рассмотрим в общих чертах грамматические категории русского языка.

Любая грамматическая категория (морфологическая, синтаксическая) представляет собой *Великий Предел*, характеризующийся двуединостью грамматических значений. Так, глагольная категория вида объединяет несовершенный (*инь*) и совершенный вид (*ян*); категория залога выражает единство пассива (*инь*) и актива (*ян*); именная категория числа – объединяет единственное (*инь*) и множественное (*ян*) число; синтаксическая категория предикативности представляет собой единство синтаксического времени (*инь*) и объективной модальности (*ян*) и т.д.

Есть, правда, в русском языке грамматические категории, в которых традиционно противопоставляются не два, а три и даже более грамматических значений. Имеется в виду, например, глагольная категория времени: настоящее, прошедшее и будущее время. Однако принцип иерархичности позволяет свести их к двуединым оппозициям: настоящее–ненастоящее, с одной стороны, и прошедшее–будущее – с другой.

Именная категория падежа русского языка представлена шестью падежами. Но это не означает, что налицо противопоставления шести падежных значений. Принципы двуединости и иерархичности позволяют выделить первую оппозицию абсолютного падежа (именительного падежа, или падежа подлежащего) и относительного падежа (все остальные падежи, или падежи неподлежащего), потом оппозиция объектного и неobjектного (косвенного) падежа и т.д.. Таким образом, категория падежа представлена целой системой двуединых противопоставлений, составляющих падежную иерархию.

§2.2. Структура грамматики

§2.2.1. Общие замечания

Структура грамматики отражает структуру *Великого Предела*.

Идея *Великого Предела* как главная идея, лежащая в основе нашей лингвистической концепции, может быть распространена на все уровни языка. Мы попробуем показать в самых общих чертах, как можно применить концепцию *Инь-Ян* к описанию языка.

При этом будем исходить из следующих предположений.

(1) Если теоретическая грамматика традиционно делится на морфологию и синтаксис, то *инь-яновая грамматика*, не нарушая эту традицию, перестроит грамматику в два блока: *иневый блок* и *яновый блок*.

Иневый блок понимается нами как *основа* грамматики, или грамматическая *онтогена*, которая имеет своим предметом изучения *слово* со всеми системно-функциональными характеристиками.

Яновый блок понимается нами как *движение* грамматики, или *прагмогена*, которая имеет своим предметом изучения *высказывание*, рассматриваемое с точки зрения коммуникативно-прагматической. Можно сказать, что высказывание – это слово в движении⁸.

Таким образом, грамматика оперирует двумя основными единицами: слово (*инь*) и высказывание (*ян*).

Сказанное можно изобразить в следующей схеме:

(2) Традиционная морфология (мы будем называть ее морфологией слова) занимается внутренней организацией слова. Сюда входят частеречная

⁸ Иногда вместо термина «высказывания» употребляют термин «фраза».

характеристика слова, его морфологические категории, его словообразовательный состав и т.д.

Традиционный синтаксис (мы будем называть его синтаксисом слова) занимается различными внешними отношениями и связями данного слова с другим (другими) словом (словами), способами соединения слов и т.д.

Здесь необходимо сделать два комментария.

Во-первых, в нашем представлении слово – это космос языка. В нем есть все: *инь*, *ян*, их соотношения, образующие триграмму Небо – Земля – Человек, на которой базируется концептуальная и языковая картина мира.

Во-вторых, слово «заказывает» грамматику, ибо в нем покоится потенциальная грамматика и система механизмов превращения (трансформации) ее в реальную грамматику (дискурс).

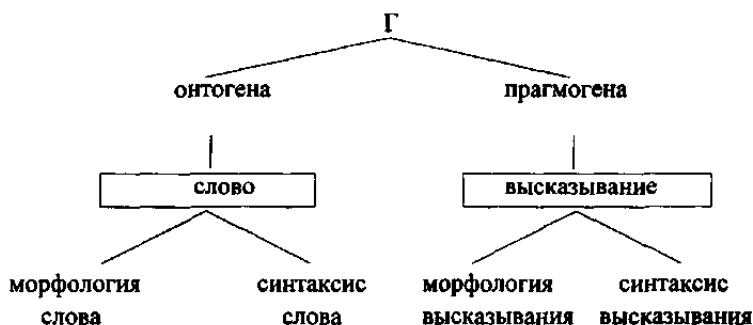
Таким образом, морфология слова (*инь*) и синтаксис слова (*ян*) входят в онтогену грамматики как ее составные части, образующие единство *инь* и *янь*.

(3) Высказыванием занимается прагмогена грамматики, т.е. теория употребления слова.

Прагмогену грамматики составляют два раздела: морфология высказывания и синтаксис высказывания.

Первый раздел изучает внутреннюю структуру высказывания, а второй раздел – внешние отношения и поведение высказывания.

Итак, общая картина учебной грамматики русского языка выглядит таким образом:

§2.2.2. Слово как Великий Предел

Как основная грамматическая единица, русское слово представляет собой единство структурно-семантической (*инь*) и функциональной (*ян*) характеристик.

С точки зрения структурно-семантической слово (конечно, знаменательное) обладает иерархией из нескольких уровней.

Делим слово и в результате получаем основу (*инь*) и флексию (*ян*). Таким образом, слово – единство основы и флексии. Это первый нижний уровень.

Делим основу и получаем корень (*инь*) и аффиксы (*ян*). Основа, таким образом, есть единство корня и аффиксов. Это второй нижний уровень.

Слово может вступать в определенное отношение с другим словом. Если в данном отношении одно слово является главным, а другое – зависимым, то получается так называемое словосочетание, которое представляет собой единство главного (независимого) слова (*инь*) и зависимого слова (*ян*). Это уровень словосочетания.

Предикатное отношение может образовать основу предложения (или структурную схему предложения), более высокий уровень грамматической иерархии. Вокруг основы предложения (*инь*) могут вращаться различные «спутники» – так называемые детерминанты (*ян*).

Структурно-семантическая и функциональная характеристики слова дают основание для образования сети синтаксических и семантических функций, через которую проходит определение частей речи и грамматических категорий слова. Любая часть речи представляет собой единство семантики – предметность, процессуальность, признак, количество и т.д. – (*инь*) и синтаксических функций – подлежащее, сказуемое и т.д. – (*ян*).

§2.2.3. Высказывание как *Великий Предел*

Как основная грамматическая единица, высказывание изучается в прагматике грамматики, где выделяются два аспекта: структурно-семантический (*инь*) и коммуникативно-прагматический (*ян*). Высказывание соотносится не с предложением, как обычно считают, а со словом во всей его иерархии, являясь его реализацией в коммуникативном процессе.

С точки зрения структурно-семантической высказывание рассматривается как единство темы (*инь*) и ремы (*ян*) в терминах актуального членения.

Коммуникативно-прагматическая характеристика связывает высказывание с говорящим, с контекстом, ситуацией и различными сферами общения. В этом смысле высказывание служит базой данных для образования единицы более высокого уровня грамматической иерархии – дискурса, под которым понимается нами законченный по смыслу и грамматическому оформлению информационный блок, воплощающий культурологические, личностно-психологические и иные характеристики.

В данной статье была представлена лингвистическая *инь-яновая* концепция в применении к исследованию грамматики языка. Сущность этой концепции заключается в идее единства двух противоположных и взаимосвязанных, взаимообусловленных элементов, которое называется *Великим Пределом*. Это единство характеризуется двуединостью и иерархичностью, что позволяет интегрировать исследовательские идеи.

На основе идеи *Великого Предела* была предложена к обсуждению общая структура грамматики языка, куда входят два блока: онтогена грамматики, изучающая слово как языковой потенциал (*инь*), и прагмогена грамматики, изучающая высказывание, понимаемое как слово в движении (*ян*). Такая установка отражает структуру *Великого Предела*.

О том, возможно ли использовать понятия *инь* и *ян* для изучения языка, В.М. Солнцев пишет следующее:

«Поскольку при анализе языка лингвистика широко пользуется бинарными оппозициями, то понятия инь и ян, представляющие собой единство двух противостоящих начал, оказались приложимыми к исследованию языка и формированию оригинальной лингвистической концепции» [Солнцев 1996,6].

ЛИТЕРАТУРА

- Клубуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке (Введение в методику позиционного анализа). М., МГУ, 1986.
- Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994 (КФ).
- Лукьянов А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). М., 1992.
- Морковкин В.В., Морковкина А.В. Язык, мышление и сознание et vice versa // РЯР, 1994, №1.
- Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988.
- Солнцев В.М. Предисловие к книге Чан Ван Ко: Концепция «Инь-Ян» и русская грамматика. М., 1996.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1993.
- Чан Ван Ко. Концепция «Инь-Ян» и русская грамматика. М., 1996.
- Чан Ван Ко. Принципы инеяновой грамматики. М., 1997.
- Щуцкий Ю. К. Китайская классическая Книга Перемен (И-цзин). М., 1993.
- Nguyễn Hiến Lê 1994 – Nguyễn Hiến Lê. Kinh Dịch. Đạo của người quân tử. TP Hồ Chí Minh, 1994.
- Sào Nam Phan Bội Châu. Chu Dịch. Sài Gòn, 1969.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЯРАП КАК ИНСТРУМЕНТ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

1. Специалисты по контрастивной (сопоставительной) лингвистике не раз отмечали, что одним из важнейших аспектов и вместе с тем инструментов контрастивного лингвистического анализа является перевод (см., например, [Ярцева 1981, 41], [Керквуд 1989], [Косериу 1989, 75–76]). Поэтому современные модели автоматического перевода, реализующие лингвистические формализмы достаточно высокого уровня и позволяющие оперативно проверять гипотезы о соотношении рассматриваемых языков путем компьютерной обработки реальных текстов, являются естественной базой для экспериментальных сопоставительных исследований.

Одну из таких моделей представляет собой экспериментальный комплекс ЯРАП, разрабатываемый в Институте востоковедения РАН для исследований в области японско-русского перевода. Принципы, на которые опирается этот комплекс и которые во многом определяют его возможности как средства контрастивных исследований, существенным образом основываются на достижениях современной лингвистической теории и в том числе – на ряде лингвофилософских концепций, рассматривавшихся в теоретических трудах В.М.Солнцева.

Наиболее общим теоретико-методологическим основанием комплекса является *расширенная стратификационная модель* языка (РС-модель), которая обобщает представления о его уровне строении, выработанные в различных школах стратификационной лингвистики, с учетом основных функций языкового знака – прежде всего функций обозначения, членения и обобщения [Шалапина 1988, Shalyapina 1998]. Языковая компетенция человека представляется в РС-модели как лингвистическое пространство, уровни которого распределены по меньшей мере по трем разным осям («измерениям»), соответствующим этим знаковым функциям. В том числе на оси обозначения помимо традиционных планов выражения и содержания постулируется промежуточный между ними *собственно знаковый план языка*, в рамках которого лингвистические единицы рассматриваются с точки зрения их языковых значимостей, определяемых взаимодействием выражения и содержания в языковой системе. Тем самым в РС-модели эксплицитно отражается тот важнейший языковедческий принцип, что «единицами языка являются не звуки и значения, рассмотренные порознь,

¹ Исследование выполняется в Институте востоковедения РАН при поддержке РГНФ (грант № 96-04-06233) и РФФИ (гранты No.95-01-0113, № 98-01-00539).

вне их взаимной связи, а единства звучаний и значений» с учетом их системоприобретенных свойств [Солнцев 1977, 126].

Можно предположить, что для языковой деятельности человека (которая предстает при этом как обход языкового пространства ее субъекта по тому или иному маршруту) собственно знаковый план языка должен быть особенно важен в случаях, когда речь идет о деятельности типа «текст→текст». В частности, в традиционной трехэтапной схеме перевода:

анализ → межъязыковые операции → синтез

к собственно знаковому уровню естественно относить основную часть операций межъязыкового перехода.

Данное представление о модели перевода и положено в основу комплекса ЯРАП. Лингвистические знания, необходимые для ее реализации, организуются в его рамках на базе так называемого *сущностного подхода* к лингвистическому описанию, воплощающего применительно к задачам построения формально-лингвистических моделей ту общезыковедческую концепцию, которая в формулировке В.М.Солнцева выражена тезисом: «В конечном счете правила являются проявлением свойств элементов языка, поскольку эти свойства лежат в основе возможных связей и зависимостей между элементами. Иными словами, правила языка сводятся к свойствам его элементов», представляя собой «совокупность потенциальных отношений между элементами языка» [Солнцев 1977, 66].

Основным способом описания языковой синтагматики является при этом понятие *валентности*, взятое в его расширенной трактовке – в качестве общей понятийной основы для представления отношений любого синтагматического уровня (от графического до сверхфразового) и любой содержательной природы (от ограничений на линейное соположение единиц текста до семантических, энциклопедических и ассоциативных отношений), если только связываемые ими сущности могут быть инстанцированы (реализованы) в пределах одного и того же текста. Парадигматика представляется в терминах *отношений наследования* (см., например, [Модина, Шалапина 1995а]), формализующих те фундаментальные общегносеологические принципы, что «частное» – в той мере, в какой оно не является исключением, – обладает всеми свойствами «общего», так что любой член класса (с той же оговоркой) «наследует» общие свойства всего класса, а синтагматическое «целое» формирует свои свойства на основе свойств своих частей – «наследует» свойства своих компонентов.

Последовательное использование этих понятий позволяет организовать основную часть лингвистического описания в комплексе ЯРАП как *инвентарь конкретных и обобщенных лингвистических сущностей с сопоставленными им описаниями их свойств различных уровней* [Шалапина 1991]. В описании каждой сущности должны указываться при этом как те свойства, которыми она обладает в качестве самостоятельной

языковой единицы, так и те, которые могут «наследоваться» от нее теми единицами текста, в чей состав входит – прямо или косвенно – она сама или какая-либо инстанцирующая ее более частная единица. Соотношение знаний об элементарных (= словарных) и неэлементарных (текстовых) сущностях (типа словоформ, словосочетаний и т.п.) определяется в результате принципом «*Словарь есть обобщение текста*», соотношение словарных (лексических) знаний с грамматическими (задаваемыми в описаниях признаков частей речи, морфологических, синтаксических или семантических категорий и т. п.) – принципом «*Грамматика есть обобщение словаря*» [Шалыпина 1975, 135]².

Процедуры обработки текстов в рамках комплекса ЯРАП, в свою очередь, строятся как «сущностно-ориентированные». Соответственно, для анализа и межъязыковых операций основным принципом является работа *под управлением текста и словаря*, когда выполняемые процедуры вызываются прежде всего теми словарными сущностями, которые идентифицированы в тексте на данном шаге его обработки. Синтез опирается на «словоцентрическое» представление входной информации в виде цепочки так называемых лексико-синтаксических запросов – формальных представлений словоформ, включающих в качестве их свойств также релевантные для них фрагменты их синтаксического контекста, – и работает *под управлением этих ЛС-запросов и словарных описаний их элементов*.

Наконец, еще один важный принцип, реализуемый в комплексе ЯРАП, состоит в максимально широком учете явлений языковой избыточности и их отображении с помощью *механизмов умолчаний*. В рамках комплекса ставится задача эксплицировать не только внутриязыковую, но и межъязыковую избыточность, что позволит моделировать «системные ошибки», возникающие при гипергенерализации тех или иных правил внутри- и межъязыковой обработки, а также экспериментально оценивать и исследовать «предел истинности» [Солнцев 1967] таких правил для различных грамматических и лексико-семантических явлений, моделируя его как предел адекватной применимости определяемых в комплексе ЯРАП отношений наследования и умолчаний.

Рассмотренный подход представляется достаточно универсальным, чтобы при его систематическом проведении для обоих рассматриваемых языков имелась общая логическая основа их сопоставления и могли достаточно полно отображаться их сходства. В то же время он позволяет и достаточно гибко варьировать конкретные модели языковых явлений. Тем самым создается возможность представления не только сходств, но и различий как

² В этом смысле сущностный способ представления и организации знаний о языке может рассматриваться как обобщение того известного тезиса модели «Смысл↔Текст», что «словарь <является> полноправным и даже центральным компонентом теоретического описания языка» [Жолковский, Мельчук 1969, 31].

самых языковых знаний, описываемых в терминах данного подхода, так и тех операций, которые могут выполняться над текстами с опорой на эти знания. Таким образом, принятый подход может составить основу для проведения сопоставительных исследований в отношении и типологических, и функционально-содержательных характеристик изучаемых языков, а также для выявления возможностей нейтрализации обнаруживаемых между этими языками различий в процессе перевода.

2. Пара языков <японский – русский>, для которой в первую очередь разрабатывается комплекс ЯРАП, особенно интересна для контрастивного изучения вследствие значительной типологической удаленности данных языков друг от друга и определяемых этим особенностей межъязыковой интерференции при переводе. Основная работа в этом направлении, разумеется, еще впереди. Однако уже сам процесс разработки комплекса ЯРАП позволяет сделать ряд наблюдений, которые могут, по-видимому, явиться предметом экспериментальной проверки и верификации в качестве исходных контрастивных гипотез о соотношении японского и русского языков. Источником таких гипотез могут служить, как показывает опыт работы с комплексом, все три его компонента: компонент (японского) анализа, компонент японско-русских межъязыковых операций и компонент (русского) синтеза. Отметим некоторые из этих гипотез.

2.1. При работе с компонентом японского анализа выявлению соотношений контрастивного характера способствует прежде всего то, что лингвистические знания и процедуры задаются и для японского, и для русского языка с опорой на один и тот же базовый набор синтагматических уровней (или, если следовать терминологии И.Ф.Вардуля, ярусов [Вардуль 1977]). Тем самым создается естественная основа для сопоставления как самих систем этих уровней для двух языков, так и сфер распространения отдельных уровней в каждом языке и их относительной релевантности для моделируемых языковых процессов.

В число уровней, для которых в комплексе ЯРАП реализованы к настоящему времени возможности формализованного представления и исследования, входят *графический* (Грф-), *графико-морфологический* (ГМ-), *лексико-морфологический* (ЛМ-), *морфолого-синтаксический* (МС-) и (пока лишь частично) *лексико-синтаксический* (ЛС-) уровни³.

³ Под ЛС-уровнем мы понимаем уровень синтаксиса словосочетаний, который предполагается описывать в терминах бинарных зависимостей. В перспективе планируется смоделировать в рамках комплекса также *коммуникативно-синтаксический* (КС-) уровень (соответствующий уровню предложения, рассматриваемого как минимальное высказывание, и предполагающий объединение всех словосочетаний в его составе в целостную связную структуру зависимостей, определение внутрифразовой структуры отношений кореференции, а также экспликацию коммуникативно значимых членов предложения с использованием аппарата составляющих), *сверхфразовый* (СФ-) уровень (на котором должна хотя бы частично эксплицироваться сверхфразо-

Рассмотрение их в ходе работы над комплексом позволило отметить прежде всего различия двух сопоставляемых языков по степени жесткости/размытости в них межуровневых границ. Японский язык проявляет тенденцию к менее жесткому разграничению разных уровней – вплоть до частичного «наложения» смежных уровней друг на друга. Соответственно, важную роль в системе его уровней играет их взаимоуязванность и «взаимопроникновение».

Так, нежесткость границы между Грф- и ГМ-уровнями японского языка выражается, среди прочего, в том, что японская графика носит слоговой характер, в то время как морфонология имеет фонетико-фонологическую природу. В результате межморфные границы могут не совпадать с границами графем, а проходить «внутри» отдельного графического знака. Для учета таких ситуаций в комплексе ЯРАП используется особый способ кодировки знаков японских слоговых азбук, отражающий состав задаваемых ими слогов [Модина, Шалапина 1995б].

Для ГМ- и ЛМ-уровней одним из проявлений их «взаимопроникновения» можно считать отсутствие в японском письме явно выраженных границ между словоформами. Поэтому в отличие от европейских языков, для которых обработка текста начинается с морфологического анализа, для японского требуются две предшествующие ему процедуры: *фрагментация* – членение обрабатываемого текста на фрагменты, предположительно соответствующие словоформам или словосочетаниям, и *сегментация* – членение полученных фрагментов на сегменты, предположительно соответствующие графическим выражениям отдельных морф – элементарным ГМ-сущностям, или ГМ-элементам. Сам же морфологический анализ предстает как своего рода «синтез» допустимых японских словоформ с учетом лексико-морфологических интерпретаций, предусмотренных в описании японской морфологии для тех ГМ-элементов, которые образуют в тексте связанные линейные цепочки.

В результате для японского языка оказывается характерным специфический вид неоднозначности анализа – неоднозначность сегментации текста на слова, не имеющая аналога для русского и других европейских языков. Для ее разрешения требуется обращение к лингвистическим знаниям более высоких уровней, и при их неполноте возможны непредвиденные ошибки. Так, в одной из оценивавшихся нами японско-английских систем АП цепочка слоговых знаков, представляющая

вая коммуникативная структура; пока в комплексе ЯРАП для этих целей может служить только аппарат текстовых регистров, позволяющий передавать «вперед по тексту» сведения о составе и оформлении отдельных элементов структуры предложений, а также уровень *лингво-семантических интерпретаций* – компонентного семантического описания, опирающегося на аппарат формальных толкований ЯФТ [Шалапина 1997].

слово *мазгаки* 'предисловие' была проанализирована как сочетание единиц *маз* ('впереди, передняя часть'), *га* (показатель подлежащего), *ки* (одна из основ глагола *куру* 'приходить') и был построен ложный перевод: *мазгаки* → *маз га ки* → 'A front came'.

Нежесткими являются в японском языке и границы между ЛМ- и ЛС-уровнями, поскольку, как было показано в [Шалапина 1986], ряд японских единиц допускает одновременно и морфологическую, и синтаксическую трактовку. Приведем еще одну иллюстрацию этого обстоятельства: в японских словарях указываются лексемы *сюин* 'низшая палата парламента, палата представителей', *сангын* 'высшая палата, палата советников' и *рёин* 'обе палаты парламента'. Все три лексемы естественно рассматривать как сложные слова с общей второй частью *ин* 'палата' и разными первыми. Однако в газетных текстах возможны конструкции типа: *сюу, сан рёин* 'обе палаты: представителей и советников', где первые компоненты единиц *сюин* и *сангын* отделены от компонента *ин* и связаны между собой сочинительной запятой, выступая тем самым как самостоятельные слова – единицы лексико-синтаксического уровня.

Для моделирования «размытости» границ между ЛМ- и ЛС-уровнями в комплексе ЯРАП вводится помимо самих этих уровней также промежуточный между ними МС-уровень. При этом все ЛМ-сущности, для которых имеются свидетельства их «синтаксичности», описываются в словаре комплекса как отдельные лексемы, а те их свойств, которые связаны с их «морфологичностью», задаются с помощью их валентностей данного промежуточного уровня – МС-валентностей. Как и собственно морфологические валентности ЛМ-элементов словоформ, МС-валентности имеют позиционную природу, но реализуются не внутри включающей данный элемент словоформы, а за ее пределами – в рамках словоформ, примыкающих к ней в тексте слева и справа.

Высокая степень внутренней интегрированности системы японских синтагматических уровней проявляется также в том, что «взаимозацепление» оказывается возможным в их системе и для несмежных уровней. Так, некоторые аспекты лексико-синтаксической организации японского текста (такие, как сочинение и кореференция) могут маркироваться в некоторых контекстах с помощью графических (фонетических) элементов, не имеющих самостоятельного статуса в рамках словоизменительной структуры содержащих их словоформ. Например, кореферентное замещение слова *тэиранкай* 'выставка' может обеспечиваться повтором начального слога (первого иероглифа) этого слова *тэи*, хотя единица, задаваемая данным иероглифом, не имеет, вообще говоря, самостоятельного употребления и не указывается в японских словарях в качестве отдельного слова. Таким образом, (морфо)фонологический/(морфо)графический уровень, с одной

стороны, и лексико-синтаксический уровень – с другой, оказываются здесь связаны непосредственно, минуя морфологию.

Чтобы подобные явления могли быть учтены в компоненте японского анализа, в нем приходится предусматривать специальные средства отображения межуровневой информации. Более сложными оказываются и межуровневые взаимосвязи и взаимодействия в процедурах обработки текстов.

2.2. Компонент японско-русских межъязыковых операций служит для выбора и/или формирования русских переводных эквивалентов японских единиц, идентифицированных в проанализированном контексте, с учетом при таком выборе прежде всего японских лингвистических знаний. Разработка этого компонента позволяет отметить ряд любопытных соотношений как для лексических, так и для грамматических систем того и другого языка.

2.2.1. При сопоставлении в этих рамках лексических систем данных языков обнаруживаются, в частности, следующие сходства и различия.

Для японского языка выявляется прежде всего тенденция к большей абстрактности многих пластов его лексики по сравнению с их русскими соответствиями, так что переход от японского к русскому языку требует решения той же проблемы *семантической нерасчлененности*, которая встает при переводе на русский язык и со многих европейских языков⁴.

Можно предположить, что частично это может быть обусловлено взаимовлиянием лексической и грамматической систем японского языка. Так, характерная для японской лексики нерасчлененность обозначений индивидуальных и коллективных объектов (ср.: *тидзу* 'карта'/'атлас'; *сосэй* 'процентный состав' <вещества> / 'процентное содержание' <в веществе одного из его компонентов> и т.д.) естественно интерпретировать как лексический аналог отсутствия категории числа в японской грамматике. Неразграниченность в семантике ряда японских предикатных слов значений, различающихся на потенциальность/реализованность задаваемой ситуации (ср.: *хи* 'стоимость' <как потенциальные затраты> / 'затраты'; 'расходы' <как реализованная стоимость>) может быть связана с иным, нежели в русском языке, содержанием категорий времени и наклонения; и т.д.

В ряде других примеров различия в объемах японских и русских понятий определяются скорее спецификой русского языка – прежде всего распространенностью в нем явлений лексического согласования, проявляющегося как лексическая и лексико-семантическая взаимообусловленность элементов

⁴ Ср. замечания Л.С.Бархударова о «недифференцированности значения слова в одном языке сравнительно с другим» [Бархударов 1975, 78] для пары языков <английский-русский>; выводы В.Г.Гака о том, что в ряде лексико-семантических групп французский глагол «обладает менее сложной семантической структурой», чем русский [Гак 1977, 178], и др.

словосочетаний. Ср.: *ни ёттэ 'с помощью' <средства> / 'в результате' <действия>*; *дэру 'выезжать'/'выходить'/'вылетать'/'выползть'...* (в зависимости от особенностей движущегося субъекта); *бункай 'разложение' / 'анализ'/'крекинг'...* (в зависимости от обрабатываемого объекта) и т.д.

Немало также случаев смысловой нерасчлененности, которые не удается непосредственно соотнести с особенностями грамматического строя того или другого языка. Такова, например, нерасчлененность физического/интеллектуального миров, демонстрируемая японскими глаголами изменения состояния. Так, ситуации, в которых может употребляться глагол *<то> суру*, обнаруживают плавный переход от случаев чисто физического изменения: *'делать' <каким/чем>*, *'превращать' <во что>* – через изменение функции: *'использовать' <в качестве чего-либо>* – к изменению аспекта восприятия: *'рассматривать' <как что-либо>*, *'считать' <каким/чем>*.

В принципе существуют и такие семантические поля, в рамках которых японский и русский языки находятся в обратном соотношении: японские лексемы имеют более сложную семантическую структуру (более конкретное содержание), чем русские. Так, группа глаголов одевания в японском включает глаголы *киру*, *кабуру*, *хамэру*, *хаку* и другие, различающиеся тем, какая часть тела (*resp.*, туловище, голова, руки, ноги) участвует в описываемом процессе или (для случая *киру* и *хаору*) каким образом происходит сам этот процесс [McCawley 1978]. В русском все эти ситуации описываются более общим глаголом *надевать*⁵. Похоже, однако, что группы с большей, чем в русском, специализацией лексических единиц являются для современного японского языка не столь центральными, как единицы, отличающиеся более абстрактной семантикой.

С относительной абстрактностью японской лексической системы, возможно, связана и другая тенденция японского языка: распространенность в нем *аналитических номинаций* для понятий со сложной смысловой структурой, в то время как в русском в аналогичных ситуациях часто используется словосложение или аффиксальное словообразование. Примеры можно найти как в общеупотребительной, так и в терминологической лексике. Так, японскому словосочетанию *дзibun но моно то суру* (букв. *'превратить в собственную вещь'*) соответствует русский перевод *'усвоить'*; словосочетанию *касуй бункай* (букв. *'разложение добавлением воды'*) – перевод *'гидролиз'*; словосочетанию *аракадзимэ ситэй суру* (букв. *'заранее определять'*) – переводы *'прогнозировать'*, *'предсказывать'* и т.д.

Разработка комплекса ЯРАП заставляет вплотную подойти также к проблеме сходств и различий японского и русского языков в отношении свойств

⁵ Интересно, однако, что единственный более конкретный русский глагол данной группы – *обувать* – является также более конкретным и по отношению к своему японскому аналогу *хаку*: *обувают* только обувь, в то время как глагол *хаку* используется, кроме того, применительно к носкам, брюкам, узкой юбке и т.п.

венных им *типов омонимии и полисемии*. Отдельные существующие здесь различия достаточно известны. Так, в японском языке недопустимо употребление переходных глаголов с неодушевленными субъектами [Кипо 1978, 291] и, следовательно, невозможна часто встречающаяся в русском языке полисемия типа: *Учитель заставил ученика выучить текст наизусть vs. Желание получить хорошую оценку заставило ученика выучить текст наизусть*. Однако в сколько-нибудь полном масштабе сопоставление полисемии и омонимии для рассматриваемых языков пока не проводилось. Между тем оно весьма существенно при моделировании перевода, поскольку сходства разных языков в данном отношении создают своего рода «межъязыковую избыточность» и позволяют (в соответствующих пределах) вводить в создаваемую модель использующие эту избыточность механизмы умолчаний.

В связи с проблемами соотношения лексических систем рассматриваемых языков в комплексе ЯРАП специальное внимание уделяется также созданию и исследованию логико-программных средств и методов, которые позволяли бы по-разному описывать явления, относящиеся к сферам, *resp.*, омонимии, полисемии и семантической нерасчлененности. До сих пор в разработках по автоматическому переводу они подводились, как правило, под единое понятие «неоднозначности» и их разграничение не являлось предметом эксплицитного рассмотрения. Теперь же становится возможным моделировать сами эти традиционные лингвистические противопоставления⁶.

Аналогичные исследования и разграничения предстоят, по-видимому, и в связи с проблемой аналитических номинаций как явления, отличного от идиоматики. Однако данное направление в рамках комплекса ЯРАП пока не разрабатывалось.

2.2.2. В области грамматики при разработке первой очереди комплекса ЯРАП рассматривались прежде всего такие особенности соотношения японского и русского языков, как несовпадение определений понятия слова в этих языках, сопровождаемое отсутствием в японском языке многих морфологических категорий, характерных для русского и других европейских языков (числа, лица, рода, падежа и др.); несовпадение функциональных сфер японских и русских частей речи; различия в функциях японского и русского словоупотребления. В данной версии комплекса они учитывались следующим образом.

Одним из аспектов расхождений между японским и русским языками в определении понятия слова является то, что японские ЛМ-сущности и их словарные русские эквиваленты могут различаться по своему отношению к этому понятию. Например, отдельная служебная лексема японского языка может соответствовать одному или нескольким словоизменительным

⁶ Один из способов интерпретации указанных противопоставлений в терминах различия формальных средств, разработанных для описания соответствующих явлений в комплексе ЯРАП, рассматривается в [Панина 1998].

признакам в русском языке, и наоборот. В комплексе ЯРАП такие различия моделируются за счет того, что переход от японских словоформ к русским не сводится к простой замене морфем, образующих эти словоформы, их русскими эквивалентами, но предусматривает, среди прочего, операции *перемещения границ словоформ* в их линейной последовательности, *перераспределения* между ними отдельных элементов их *формального представления* и т.д.

Отсутствие в японском языке ряда содержательных морфологических категорий, обязательных для русских словоформ, – прежде всего числа существительных, – а также отличия в интерпретации сходных категорий – например, глагольного вида, – учитываются при выборе словарных форм для русских переводных эквивалентов соответствующих японских лексем. В «человеко-ориентированных» японско-русских словарях этому выбору особого значения не придается: существительные (за исключением *Pluralia tantum*) указываются в единственном числе, глаголы чаще всего в несовершенном виде. Однако для компьютерной модели выбор словарной формы перевода означает, что это та форма, которая будет употребляться «по умолчанию», другие же будут строиться только при наличии в обрабатываемом контексте явно выраженной информации об их необходимости.

Тем самым становится актуальным вопрос, который до сих пор в сопоставительной лингвистике не рассматривался, – *какая из возможных форм переводного эквивалента наиболее характерна для ситуаций умолчания*, когда контекст не содержит прямых подсказок относительно ее выбора: именно она и должна задаваться в качестве словарной. При этом вполне вероятно, что для разных лексико-семантических групп одной и той же части речи в этом качестве могут выбираться разные формы.

В комплексе ЯРАП пока принято простейшее решение: для предметных существительных в качестве словарной предпочитается форма множественного числа, для остальных – единственного; для глаголов, входящих в видовые пары, берется глагол совершенного вида. Ясно, однако, что это одна из проблем, которые должны в будущем явиться предметом серьезных экспериментальных сопоставительных исследований.

Расхождения японского и русского языков в отношении основных функций их частей речи составляют, как и в случае многих других языковых пар, основной источник такого переводческого явления, как лексико-грамматическая неоднозначность. В большинстве систем АП неоднозначность такого рода рассматривается на этапе анализа входного языка, т.е. различия в значении и переводе соответствующих единиц трактуются аналогично омонимии. Однако для японского языка данное явление во многих случаях сближается скорее с понятием полисемии или даже нерасчлененности значений, что служит основанием для его

моделирования не на этапе анализа, но на этапах межъязыкового перехода и синтеза. В компоненте межъязыковых операций комплекса ЯРАП в этих целях разработан ряд специальных механизмов – прежде всего особый тип *транспозитивных грамматических признаков* и опирающийся на них *аппарат межъязыковых частеречных транспозиций*.

Эти механизмы удобны, например, при описании японских предикатных существительных китайского происхождения (канго), поскольку большинство из них в сочетании со служебным показателем *суру* функционируют (и переводятся) как переходные и/или непереходные глаголы, а многие способны также в ряде других контекстов выступать в роли определений или обстоятельств. Составляя словарное описание такой единицы лингвист может, указав соответствующий транспозитивный признак, перечислить для описываемой единицы русские эквиваленты всех возможных для нее частей речи. На этапе межъязыковых преобразований будет автоматически выбран эквивалент той части речи, которая требуется по контексту. Например, если единице *дзиккэн* приписать признак *тIа* и эквиваленты ‘эксперимент’ / ‘тестировать’ / ‘экспериментальный’, то сочетание *кагаку но дзиккэн о суру* будет переведено ‘провести химический эксперимент’, сочетание *ханноосэй о дзиккэн суру* – ‘тестировать реакционную способность’, а сочетание *дзиккэн дээта* – ‘экспериментальные данные’.

Особый интерес представляет соотношение порядка слов в японском и русском языках. В японском языке порядок слов, как правило, совмещает две функции: маркирует одновременно и актуальное членение, и синтаксическую конструкцию. Для русского, напротив, весьма характерны ситуации, когда словопорядок выполняет преимущественно первую из этих функций, конструкция же идентифицируется средствами морфологического согласования и управления. При этом в случаях, когда позиционные отношения между компонентами конструкции используются для маркировки прежде всего ее самой (а не актуального членения как аспекта ее коммуникативной организации), тот и другой язык нередко различаются выбором конкретного варианта этих отношений. Так, если в японском зависимые компоненты конструкции в норме реализуются слева от управляющих ими единиц, во многих русских конструкциях предпочитается их «правосторонняя» реализация.

Чтобы учесть сходства и различия такого рода, в комплексе ЯРАП предусматривается возможность рассмотрения позиционных отношений в структуре словосочетания и предложения как отдельного объекта перевода, и операции с линейной структурой японского текста выделяются в самостоятельный этап его переводческой обработки. Процедуры этой обработки должны, среди прочего, для каждого обрабатываемого контекста вырабатывать решение, что именно в нем следует сохранять: конструкцию (хотя бы и за счет модификации реализующей ее линейной структуры) или

актуальное членение (хотя бы и за счет модификации синтаксической конструкции). Экспериментальная отработка лингвистических механизмов принятия таких решений могла бы способствовать, по-видимому, более точному определению типологического соотношения двух языков в данном плане.

2.3. Проблематика синтеза текста перевода наиболее тесно связана с вопросами сопоставительного рассмотрения входного и выходного языков в той части, в которой расхождения между этими языками не могут быть нейтрализованы на этапе межъязыковых операций, но требуют достаточно полной информации о единицах выходного языка.

В комплексе ЯРАП учитывается в настоящее время два основных типа таких расхождений: расхождения, обусловленные идиоматичностью используемых в каждом языке показателей *синтаксического управления*, и расхождения в характере и степени жесткости свойственных этим языкам *ограничений на лексическую сочетаемость*.

Оба типа расхождений приводят к тому, что в случаях, когда на этапе межъязыковых операций для соответствующих контекстов используются стандартные переводы (переводы «по умолчанию»), представления единиц выходного текста, поступающие на вход компонента русского синтеза, нередко оказываются неполными и/или неточными.

Соответственно, задачей синтеза является *уточнение и коррекция* таких представлений на основе возможностей, имеющихся для этого в русском языке⁷. Прежде всего это возможности, обуславливаемые русской лингвистической избыточностью соответствующих уровней.

Основной принцип ее использования состоит в следующем: обнаружив, что какие-то из входных представлений неполны или противоречивы, система должна выделить среди имеющихся элементов информации те, которые можно считать относительно надежными, и менее надежная информация модифицируется в соответствии с более надежной. Подобная *«обработка по противоречию»* является, очевидно, вариантом обработки *«по умолчанию»* с той разницей, что там стандартные правила применяются к входным единицам, которые сами предполагаются стандартными, а здесь — к единицам, которые идентифицированы как заведомо не отвечающие стандарту, но которые требуется к нему свести.

При выборе в ходе такой обработки «более» или «менее надежных» элементов входной информации важнейшую роль должны играть, естественно, знания о типологических соотношениях входного и выходного языков и о том, как эти соотношения моделируются другими компонентами комплекса. В настоящее время этот выбор опирается на следующие основные принципы:

⁷ См. об этом, в частности, [Капович, Шалапина 1997].

– если во входном представлении обрабатываемой лексико-синтаксической структуры заданы одновременно семантический тип связи («семантический падеж») и идентифицирующий ее номер, то более «надежным» («более сильным») в случае противоречия считается семантический тип (так что противоречие, если оно возникает, решается за счет модификации номера); это позволяет в качестве словарных эквивалентов японских слов использовать, в частности, их синтаксические конверсивы;

– в отсутствие специальных указаний требования к оформлению ЛС-связи, указанные в модели управления русской единицы – носителя валентности на эту связь, считаются более «сильными», чем показатели, введенные в обрабатываемую структуру компонентом межъязыковых операций; однако если показатели, введенные этим компонентом, в принципе допустимы, то система следит за тем, чтобы сохранить именно их;

– в отсутствие специальных указаний порядок слов и требования согласования, определяемые предсказываемой им конструкцией, считаются более «сильными», чем показатели согласования/рассогласования, полученные в результате работы компонента межъязыковых операций;

– в отсутствие указаний о возможности конкретизирующего перевода лексемы, введенные компонентом межъязыковых операций в качестве переводных эквивалентов исходных японских единиц, считаются «более сильными», чем требования русской лексико-семантической сочетаемости и обусловленности; при наличии таких указаний «более сильными» являются именно эти требования;

– наличие в обрабатываемом представлении словоформы определенного сочетания морфологических категорий считается «более сильным», чем дефектность парадигмы русской лексемы и другие факторы, исключающие возможность синтетического выражения данного сочетания; для реализации этого принципа в компоненте синтеза предусматривается специальный модуль морфологического перифразирования.

Среди прочих соображений при корректировке входных структур в процессе синтеза принимается во внимание возможность «множественного» отображения тех или иных смыслов в лексико-синтаксической структуре словосочетаний и предложения. В этих целях разрабатываются механизмы учета при такой корректировке многофакторных воздействий (они используются, например, при выборе между винительным и родительным падежами как маркерами прямого дополнения в контексте отрицания).

3. Как видим, уже первый этап работ над комплексом ЯРАП позволил выявить ряд проблем, представляющих интерес для сопоставительного изучения рассматриваемых языков в фундаментальном плане, и предложить ряд общих принципов их решения на разных этапах работы модели перевода. Эффективность решений, выработанных на базе этих принципов,

подтверждается тем, что для неосложненных японских предложений данная модель позволяет получать (разумеется, в пределах созданных экспериментальных фрагментов словарей и грамматик) достаточно приемлемые переводы. Например, предложению

соосита сисутэму но дзиккэн ни мукэтэ но дорёку ва, коодзюцу суру ёони, гакумонтэки ни мо дзицуётэки ни мо ими ару кото дэ атта,

букв.:

такой система GEN реализация GEN в направлении GEN работа, ниже-следующее осуществить: наст как, в научном отношении и для практического использования и иметь значение то, что являться:прош.

комплекс ЯРАП сопоставляет перевод:

работа в направлении реализации таких систем, как указывается ниже, и в научном отношении, и для практического использования являлась тем, что имеет значение.

Разумеется, целый ряд вопросов соотношения японского и русского языков не могли быть затронуты на данном этапе, поскольку относятся к более высоким языковым уровням, моделирование которых в рамках комплекса ЯРАП еще не начато. Таковы проблемы, связанные с тем, что в японском отсутствует ряд грамматических классов слов, представленных в русском (например, союзные слова), иначе функционируют местоимения (которые в двух языках различаются и по степени употребительности, и по варьированию их выбора в различных сферах их употребления), шире распространен эллипсис, в структурную организацию текста в большей степени вовлечены лексические повторы; и т.д.

Дальнейшего изучения требуют, разумеется, и большинство из тех проблем, для которых в рамках комплекса уже построены общие механизмы их моделирования. Именно в этом и состоит смысл построения комплекса ЯРАП: его задача не в том, чтобы дать «правильный ответ» на те или иные вопросы и тем самым «закрывать» их, но в том, чтобы предоставить лингвисту средства для их углубленного экспериментального исследования.

Хотелось бы надеяться, что результаты таких контрастивных исследований послужат в конечном итоге для получения более полного и объективного представления о лингвистических мирах двух изучаемых языков и об особенностях языкового мышления их носителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.
Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики. М.: Наука, 1977.
Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977.

- Жолковский А.К., Мельчук И.А.* К построению действующей модели «Смысл ↔ Текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 11. М., 1969.
- Канович М.И., Шалапина З.М.* Русский морфологический и морфолого-синтаксический синтез по неполной и/или неточной входной информации // Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. М.: «ИКАР», 1997.
- Керквуд Г.У.* Перевод как основа контрастивного анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. М., 1989.
- Косериу Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. М., 1989.
- Модина Л.С., Шалапина З.М.* Принципы организации лингвистических знаний в объектно-ориентированной модели лексико-морфологической системы японского языка // DIALOG'95. Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995.
- Модина Л.С., Шалапина З.М.* Графико-морфологическая грамматика японского языка в действующей модели анализа японских письменных текстов // III Международная конференция «Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. М.: МГУ, ИСАА, С.-П.ГУ, 1995.
- Панина А.С.* Обработка омонимии, полисемии и нерасчлененности в модели японско-русского автоматического перевода ЯРАП // Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции. М.: ИВ РАН, 1998 (в печати).
- Солнцев В.М.* Взаимодействие лексики и грамматики и предел истинности грамматической конструкции // Историко-филологические исследования. М., 1967.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977.
- Шалапина З.М.* Система АРАП: словарь, грамматика и их использование при автоматическом анализе // Международный семинар по машинному переводу. Москва, 25–27 ноября 1975 г. М.: ВЦП.
- Шалапина З.М.* О морфолого-синтаксическом статусе некоторых японских грамматических единиц (в связи с общими проблемами разграничения морфологии и синтаксиса в естественном языке) // Актуальные проблемы японского языкознания. М.: Наука, 1986.
- Шалапина З.М.* К проблеме моделирования языковой компетенции и языковой деятельности человека в рамках общей модели языковой действительности // Референция и проблемы текстообразования. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988.

- Шаляпина З.М.* Словарь как единая форма организации формализованного лингвистического описания // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists. II. Berlin: Akademie-Verlag, 1991.
- Шаляпина З.М.* Об одном формализме для записи толкований слов и словосочетаний // Обработка текста и когнитивные технологии. Вып.1. М., Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997.
- Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981.
- Kuno S.* The Structure of the Japanese Language. Cambridge (Mass.) and London (England): The MIT Press, 1979.
- McCawley J.D.* Notes on Japanese clothing verbs // Problems in Japanese Syntax and Semantics (J.Hinds and I.Howard, eds.). Japan: Kaitakusha, 1978.
- Shalyapina Z.M.* Towards a conception of linguistic competence justifying diverse modes of linguistic performance // Proceedings of the 16th International Congress of Linguists. Paris: Elsevier (to appear).

А.М. ШАХНАРОВИЧ

К ПРОБЛЕМЕ ЗНАКОВОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ И ЕГО ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

При анализе проблемы знаковости языка В.М. Солнцев писал о том, что «Решение проблемы знаковости в языке должно идти ... по линии выяснения характерных признаков единиц языка с последующим ... совмещением этих признаков» [Солнцев 1977, 102]. И далее: «Между знаком и тем, что он обозначает, не существует необходимой естественной связи» [там же, 103]. Далее, критикуя концепцию двусторонности знака, В.М. Солнцев обосновывает то положение, что значение знака «есть ... связь обозначающего и предмета, а эта связь является произвольной» [там же, 109].

Привлечение новых данных из области онтогенеза речевой деятельности и исследований асимметрии полушарий головного мозга позволяет утверждать, что приведенные положения могут быть рассмотрены экспериментально. В процессе онтогенеза отмечается период, когда упоминаемая В.М.Солнцевым связь означаемого и означающего имеет образный характер, что выражается в широком употреблении слов, звучание которых воспроизводит звуковые характеристики объектов номинации. На ранних этапах овладения речью ребенок стремится установить как можно более мотивированные связи между предметом и словом, и на этом пути им создаются временные связи между акустическим образом слова, представлением о предмете и

понятием. Возникновение звукоизобразительных номинаций связано факультативной связью «представление – звуковой образ».

В зависимости от развития представлений ребенка об окружающем мире звукоподражательные комплексы могут относиться к отдельным предметам и действиям либо к ситуации в целом. Образные слова помогают ребенку устанавливать связь между словом и представлением о предмете и его функциях. Поэтому на ранних этапах овладения словом в речи ребенка наблюдается слияние звукоподражания со словом, возникают составные слова типа *ав-ав-собака*, *му-му-корова*, *топ-топ-лошадка* и т. д. На основе звукоподражательных комплексов формируются также ранние формы речевой регуляции поведения. Как показали опыты А.Р. Лурия и О.К. Тихомирова, дети трех лет не способны выполнять действия по речевой инструкции («Нажать на баллон два раза»), но они легко выполняют это действие, если при нажиме произносится звуковой комплекс *ту-ту*.

В процессе дальнейшего развития можно наблюдать, как ребенок стремится установить образные связи между понятием и предметной отнесенностью слова, являющимися по существу двумя различными функциями слова. Возникновение таких факультативных связей, о которых было упомянуто выше, вторично приводит к изменению акустического образа слова и к возникновению детского словотворчества. Прекрасные примеры подобного словотворчества собраны К.И. Чуковским (*сисяк–красняк*, *милиционер–улицо-нер корова рогаются*).

Таким образом, очевидно, что ребенок овладевает знаком языка как своего рода единством – семантическим и грамматическим. Д. Слобин назвал это единство когнитивным значением [Слобин 1984].

Поскольку на начальных этапах развития речи ребенок опирается на представление, а не на понятие, постольку нельзя говорить об овладении собственно значением слова (шире – значением знака языка). Полным значением слова, словом-понятием ребенок овладевает сравнительно поздно. На ранней стадии развития ребенок овладевает предметной отнесенностью слова, словом-наименованием.

По словам Л.С. Выготского, до овладения знаком как «психологическим орудием» ребенок овладевает «чисто внешней структурой знака» [Выготский 1982а, 144], а звучание выступает в качестве самостоятельного носителя значения.

Ориентировка на звуковую форму слова и приписывание звучанию мотивированного значения приводят к тому, что формируется генерализованное отношение: аналогичные явления обозначаются аналогичным образом. Это не аналогия в обычном понимании, но генерализация и активное творческое стремление ребенка к адекватному выражению получаемых знаний. Этим

объясняются многие из примеров детского словотворчества (*рваность, вы-
тонула, намакаронилса* и мн. др.)¹.

В психолингвистическом смысле механизмы мотивированности знака являются общими для слов и морфем. На более высоком уровне абстракции эти же механизмы действуют и на уровне высказываний – в смысле отражения ими некоторой части действительности. Этот механизм, в основе которого лежит генерализация явлений, обеспечивает формирование имплицитных правил употребления языковых единиц для реализации речевых интенций или, другими словами, произвольного речевого поведения. Однако это внешняя сторона проблемы. Обратимся к «внутренней» стороне.

Эмпирический материал, представляемый онтогенезом речи, может быть проанализирован на трех уровнях: во-первых, на уровне характеристики средств, используемых человеком для реализации языковой способности, во-вторых, характеристики систем, в которых функционируют данные средства, в-третьих, характеристики материального субстрата, обеспечивающего осуществление указанных процессов, или, иными словами, характеристики (неполной, разумеется) психофизиологического механизма этих процессов.

Первый уровень является собственно лингвистическим. В настоящее время достаточно полно и подробно описаны средства, используемые носителями языков разной типологии в процессе общения, имеется ряд описаний онтогенетического развития языковых средств.

Значительно меньше известно о формировании психолингвистических механизмов коммуникативной функции. В этом плане весьма перспективны исследования последних лет, в которых прослеживаются особенности формирования коммуникативных средств, начиная с довербального периода жизни и вплоть до появления конвенциональных коммуникативных знаков. Несмотря на значительные различия в подходах и методах исследования, различия в интерпретации эмпирического материала, все эти работы объединяет одна мысль: функциональной системой, в которой происходит формирование коммуникативных средств, является совместная деятельность взрослого и ребенка. Это представление соответствует идее Л.С. Выготского, согласно которой только совместная деятельность людей в определенных социальных условиях развития является «пускоплатформой», своего рода концептуальной базой для всех упомянутых исследований является концепция культурно-исторического развития Л.С. Выготского [Выготский 1984].

На основе экспериментов удалось выяснить, что динамика развития психолингвистического механизма усвоения языка характеризуется переходом от целостных, нерасчлененных, синкретических форм знакового поведения ко все более аналитическим.

¹ О некоторых физиологических механизмах этого явления см.: *ГН Ушакова. Функциональные механизмы второй сигнальной системы. Автор. док. дис. М., 1972.*

Сравнительно мало известно об организации психофизиологического субстрата развития языковой способности в онтогенезе. Одной из попыток объяснения того, как это происходит, является идея «пластичности» детского мозга, тесно связанная с гипотезой эквипотенциальности полушарий мозга на ранних этапах онтогенеза. Согласно этой гипотезе, ребенок рождается с функционально равнозначными полушариями, и в процессе развития происходит латерализация речевой функции в левом полушарии. Однако в последние десять лет были получены факты, противоречащие гипотезе эквипотенциальности полушарий. Выяснилось, что на самых ранних ступенях онтогенеза имеет место различие признаков речевых стимулов, т.е. отчетливая асимметрия полушарий относительно речевой функции [Симерницкая 1978]. В исследовании [там же] было показано, что нарушения речи в детском возрасте значительно чаще встречаются при поражениях левого (как у взрослых), чем правого полушария. Все эти факты привели к пониманию того, что проблема мозговой организации речевой функции в онтогенезе представляет собой проблему межполушарного взаимодействия в процессе восприятия и порождения коммуникативных единиц. Очень важным является и тот факт, что по мере изменения внутренней структуры функции происходит изменение ее мозговой организации. На разных этапах онтогенеза речевой деятельности ведущее место занимают последовательно недоминантное и доминантное полушария. С деятельностью недоминантного полушария связывается осуществление таких компонентов речевой деятельности, как образность, понимание метафорического значения, коннотативные значения, эмоциональная окраска высказывания, а также целый ряд семантико-синтаксических функций высказывания. Эти факты, как и многие другие результаты психолингвистических и психофизиологических исследований, дают возможность обратиться к внутренним механизмам речевой коммуникации, без прояснения которых не может быть адекватного описания модели этого процесса и его результатов. При анализе внутренних механизмов речевой коммуникации, как нам представляется, наиболее существенной единицей анализа должен быть текст.

Если рассматривать текст как актуализацию свойств описанных в нем объектов, то единственный способ выявить актуальные свойства объектов — изучать их восприятие в условиях неопределенных инструкций, т.е. в условиях максимально свободного оперирования текстами. Речь идет об условиях коммуникативных ситуаций, в которых и происходит обмен языковыми знаками, объединенными в тексты. В психолингвистическом смысле текст — это реализация структурных компонентов языковой способности. Развернутый текст в коммуникативном акте содержит в себе в «снятом» виде всю историю онтогенетического формирования языковой способности. Именно благодаря рассмотрению этой истории оказывается возможным подойти к пониманию

таких феноменов, как внутренняя речь, формирование программы речевого высказывания, реализация языковой способности.

А.Н. Леонтьев писал о том, что общественно выработанные словесные значения, усваиваясь субъектом, приобретают как бы новую свою жизнь, новое движение в его индивидуальной психике. В этом движении они вновь и вновь, но особым образом соединяются с чувственной тканью, которая непосредственно связывает субъект с предметным миром, как они существуют в объективном пространстве и времени [Леонтьев 1976, 21]. Это движение значений прослеживается в весьма широком круге специально сконструированных экспериментальных ситуаций и в большом числе видов человеческой деятельности. Сюда, без сомнения, входит и деятельность по восприятию языковых знаков.

Экспериментальные исследования психологии субъективной семантики позволили увидеть, сколь пристрастно отношение субъекта к входящему с ним в контакт предметному миру, как активно объект структурирует этот мир, создавая для себя его проекцию. В процессе взаимодействия с миром у субъекта складывается нечто, называемое «картиной мира», картина свойств вещей в их отношениях друг к другу и к субъекту [Выготский 1982б]. Эти представления как бы сосредоточены в структурах, которые являются единством отношения, функционирования и знания и потому подлежат семантическому анализу, неотделимому от анализа особенностей актуализации знания. Таким образом, проблема структур, которые мы можем назвать когнитивными (поскольку они формируются только одним путем – путем познания окружающего мира), и проблема содержания текста как продукта деятельности по актуализации когнитивных структур смыкаются и предстают в единстве. По мере онтогенетического развития индивида коммуникативные (звуковые) номинации и когнитивные содержания развиваются раздельно, но при этом в тесной взаимосвязи. Косвенным подтверждением этого является описанный в советской дефектологии феномен «общее недоразвитие речи». Особенностью этой формы патологии является как раз недоразвитие когнитивных структур вследствие недоразвития коммуникативных содержаний. Упомянутые структуры формируются главным образом для того, чтобы быть участниками акта передачи знания. Передача знания в акте общения, вступление в отношения общения возможны при условии совпадения двух типов структур: структур языковой способности и когнитивных структур. По мере развития индивида коммуникативные единицы (единицы номинации) и когнитивные содержания вступают во взаимодействие и служат основанием тех новых психических содержаний, которые появляются с развитием речи.

Как отмечает Ф. Кликс [Кликс 1976], процессы понятийного обобщения и абстрагирования обеспечивают отбор концептуальных и сенсорных признаков, которые соответствуют мотивам и целям деятельности индивида. Абстракция сенсорных признаков дает основания для множественной категориза-

ции (множественности выделяемых оснований для классификаций). Этот процесс лабилен и неустойчив. Выделенные классы и наборы признаков хранятся в памяти короткое время. Как только возникает необходимость в категоризации нового типа, сложившиеся когнитивные структуры могут распасться. Фиксируются же они в языковых знаках.

Подобно тому, как речь возникла из потребности называния вещей в процессе коммуникации, она может использоваться для обозначения результатов когнитивных процессов, т.е. внутренних психических состояний. По мере фиксации в памяти происходит структурное оформление механизма выделения категориальных признаков. Устойчивая множественная классификация вообще возможна только благодаря разнообразным языковым обозначениям. Только с их помощью в памяти стабилизируются специфические конфигурации признаков, соответствующие категориям, к которым может быть отнесен некий предмет. Таким образом, выделение категорий связано с когнитивными процессами. Специфической особенностью развития средств общения в онтогенезе является переход от целостных, нерасчлененных средств кодирования ситуации ко все более аналитическим. Это отчетливо прослеживается при анализе семантических изменений, наблюдаемых в онтогенезе при переходе от однословных высказываний к многословным.

В начале статьи мы обратились к эмпирическим данным, которые свидетельствуют о специфической организации межполушарного взаимодействия при осуществлении речевой деятельности. Анализ этих данных позволяет заключить, что психофизиологической основой коммуникативной деятельности является совместная работа обоих полушарий головного мозга, каждое из которых вносит свой специфический вклад в процесс общения. В плане обсуждаемой в статье проблемы знака интерес представляет выделение таких компонентов языковой способности и когнитивной структуры, которые связаны с реализацией в коммуникативном акте единиц, обеспечивающих, с одной стороны, целостность содержательной структуры текста, а с другой – аналитическую расчлененность стоящей за данным текстом экзистенциальной реальности. Оба эти компонента в конкретных актах коммуникации действуют в неразрывной связи, что и обеспечивает нормальное протекание общения, использующего в качестве своего средства речевую деятельность.

Орудиями этой деятельности («психологическими орудиями», по Л.С.Выготскому) являются знаковые комплексы, система которых формируется прижизненно и в прямой зависимости от круга «знаковых ситуаций».

ЛИТЕРАТУРА

- Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Собрание сочинений*, т.2. М., 1982а.
Выготский Л.С. Проблема сознания // *Собрание сочинений*, т.1. М., 1982б.

- Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Собрание сочинений, т.6. М., 1984.
- Голод В.И., Шахнарович А.М.* Семантические аспекты порождения речи // ИАН СЛЯ, 1982, № 3.
- Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. М., 1976.
- Кубрякова Е.С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Леонтьев А.Н.* Восприятие и деятельность // Восприятие и деятельность. М., 1976.
- Симерницкая И.Г.* Доминантность полушарий. М., 1978.
- Слобин Д.* Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М., 1984.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е, М., 1977.